

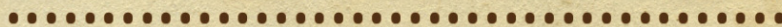

ЗОЛОТОЙ ВЕК АНГЛИЙСКОГО ДЕТЕКТИВА

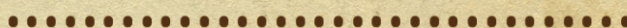

ПАТРИЦИЯ

ВЕНТВОРТ

СВЕТЯЩЕЕСЯ
ПЯТНО

КОЛЬЦО ВЕЧНОСТИ

Золотой век английского детектива

Патриция Вентворт

Светящееся пятно.

Кольцо вечности

«Издательство АСТ»

1947, 1948

УДК 821.111-312.4
ББК 84(7Вел)-44

Вентворт П.

Светящееся пятно. Кольцо вечности / П. Вентворт —
«Издательство АСТ», 1947, 1948 — (Золотой век английского
детектива)

ISBN 978-5-17-132911-2

Грегори Поллок устраивает вечеринку, но она выглядит больше зловещей, нежели дружеской: каждому из присутствующих есть что скрывать, у каждого имеются веские причины не любить и бояться Грегори. И пока один притворяется радушным хозяином, а другие – беззаботными гостями, кому-то отлично удается роль убийцы... Полицейский Фрэнк Эббот собирался безмятежно провести отпуск у родственников в деревне. Не тут-то было: в роще видели человека, тащившего труп девушки, в ухе которой была бриллиантовая серьга в виде кольца. К тому же единственная свидетельница явно чего-то недоговаривает. Приходится мисс Сильвер брать это дело в свои цепкие ручки и постепенно раскручивать запутанный клубок таинственных событий...

УДК 821.111-312.4

ББК 84(7Вел)-44

ISBN 978-5-17-132911-2

© Вентворт П., 1947, 1948
© Издательство АСТ, 1947, 1948

Содержание

Светящееся пятно	6
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	21
Глава 6	23
Глава 7	27
Глава 8	32
Глава 9	36
Глава 10	40
Глава 11	42
Глава 12	46
Глава 13	50
Глава 14	55
Глава 15	57
Глава 16	60
Глава 17	63
Глава 18	67
Глава 19	69
Глава 20	75
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Патриция Вентворт
Светящееся пятно. Кольцо вечности
(Сборник)

© Patricia Wentworth, 1947, 1948

© Школа перевода В. Баканова, 2021

© Перевод. Е. Токарев, 2020

© Издание на русском языке AST Publishers, 2021

* * *

Светящееся пятно

Глава 1

В четыре часа дня восьмого января Доринда Браун переступила порог клуба «Вереск», даже не подозревая, что делает первый шаг навстречу событиям самым необычайным. Расскажи ей кто об этом, она лишь рассмеялась бы в ответ. Она вообще легко смеялась – сощурившись, запрокинув голову и демонстрируя два ряда великолепных белоснежных зубов. Джастин Лей как-то заметил, что, когда она смеется от души, можно пересчитать ее зубы. Многие обиделись бы, а Доринда расхохоталась и сказала: «Считай на здоровье! Все пока на месте».

«Вереск» только именовался клубом. На деле же являлся гостиницей (довольно захудалой) или же «отдельными номерами» (дешево и безвкусно отделанными). Название придумала хозяйка заведения – мисс Доналдсон, она же украсила тесную и темную прихожую вазой с шотландским вереском, что с гордостью считала проявлением одновременно и патриотизма, и хорошего вкуса. Впрочем, «отдельные номера» сказано было довольно громко, поскольку особой отделенности друг от друга клуб «Вереск» постояльцам не предоставлял. Некогда один из самых больших особняков в округе ныне утратил былое величие – его просторные комнаты разгородили, словно порезали добрый шмат мяса на тоненькие дольки, и получились отсеки, в которых едва помещалась кровать. В некоторых отсеках было окно – одно на двоих, а в остальных имелись лишь щели для вентиляции, через которые не проникал свежий воздух в жару, зато продувало до костей в холода. Доринда жила в отсеке со щелью.

В прихожей Доринде повстречалась мисс Доналдсон – высокая, худощавая и суровая на вид шотландка. Суровость была напускной. Люди робели только сперва, а потом быстро понимали: за чопорной манерой, прилизанной прической и нахмуренными бровями скрывается добрая и простодушная женщина, которая честно зарабатывает на кусок хлеба и больше ни о чем не мечтает.

– Мисс Дональдсон! – воскликнула Доринда. – Меня взяли!

– В то самое место?

Хоть Ефимия Доналдсон жила в Лондоне уже двадцать лет, ее шотландский акцент ни капли не смягчился.

Доринда кивнула:

– Да, туда!

– И это не в Шотландии?

Доринда отрицательно покачала головой.

– Хорошо бы в Шотландии... там родственники...

Доринда снова покачала головой.

– У меня никого.

– Странно, – разочарованно протянула мисс Дональдсон, – в вашем-то возрасте! Даже у меня осталось тридцать пять родных, если считать четвероюродных и пятиюродных. А я перебралась на юг уже больше двадцати лет назад.

Звук «р» в ее речи был раскатистым, словно барабанная дробь.

– Ну, про пятиюродных я не подумала, – рассмеялась Доринда.

– Это потому, что ваша мать англичанка... Кстати, мистер Лей, который вам звонит, – с материнской стороны родственник?

– Не совсем родственник... Очень дальний. Седьмая вода на киселе – в лучшем случае.

Мисс Дональдсон ответила типично шотландским хмыканьем, которое способно выразить все что угодно. В данном случае – что мисс Доналдсон понимает, что Доринда имеет в

виду, и категорически не одобряет ход ее мыслей. В добавок к хмыканью она произнесла, раскатисто рыча на «р»:

– Родня есть родня, нравятся они тебе или нет. В беде кто еще поможет?

Мисс Доналдсон удовлетворенно замолчала, и Доринда, улыбнувшись широкой лучезарной улыбкой, пошла своей дорогой.

– Мне нужно позвонить, – сказала она.

Мисс Доналдсон снова хмыкнула и удалилась в унылую каморку, которую именовала «кабинетом».

Доринда юркнула в телефонную будку и прикрыла за собой дверь. Будка была единственным местом в доме, где тебя никто не подслушивал. Жители отсеков слышали каждый шорох соседей в пределах четырех стен некогда просторной комнаты. В прихожей, в коридорах, в столовой и в гостиной: повсюду хватало чутких ушей. У некоторых пожилых соседок вообще не было иной радости в жизни. Они целыми днями шпионили, а вечером садились плотным рядом у камина и обменивались информацией. Например, когда ты принимал ванну, они по звуку определяли, сколько набрано воды, чтобы покрыть позором наглого расточителя. Джудит Крейн, например, принимала по две ванны в день – вот уж ее костерили самым безжалостным образом; на свое счастье, она быстро съехала.

А телефонная будка действительно была со звукоизоляцией. Смотрелось забавно – люди беззвучно открывали рот за стеклом, будто аквариумные рыбки, зато внутри ты чувствовал себя полностью защищенным от мира. Однако не был одинок – стоило только покрутить волшебный диск, чтобы пригласить в свой мирок кого угодно – в пределах разумного, конечно.

Доринда покрутила диск, вложила монетку в отверстие и стала ждать. Со стороны она представляла собой весьма приятную картину. Не так уж часто встречаются радостные лица – все больше усталые, нахмуренные, сердитые и раздраженные. А Доринда почти всегда была довольна. Она умудрялась улыбаться даже у зубного врача несмотря на то, что втайне трепетала перед таинственным сверлильным устройством, притаившимся в засаде у кресла. Она шла по жизни улыбаясь – иногда назло неприятностям, хотя чаще естественно и непринужденно, – и глаза ее при этом тоже смеялись.

Они блестели и отдавали золотом, особенно когда Доринда была довольна или расположена к собеседнику. Волосы у нее были золотисто-каштановые и очень густые. Джастин Лей однажды назвал их цвет ореховым. И снисходительно пояснил, что имеет в виду не сам орех, а отполированное ореховое дерево. Доринда, которой на тот момент было лет десять, отправилась в гостиную и долго стояла перед письменным столом, пытаясь понять – комплимент это или нет. Для сравнения она приложила косичку к поверхности. Да, цвет определенно тот. А если волосы тщательно расчесать, они тоже блестели, как полированная столешница. С тех пор она всегда тщательно расчесывалась. Однако ходить с косой ей все равно не нравилось, потому что у всех одноклассниц были короткие стрижки. Доринда как-то взяла ножницы тети Мэри и отстригла косу – со свойственной ей решительностью и не теряя хорошего настроения. Далее последовала бурная семейная сцена, в ходе которой Доринда сохраняла улыбку на лице и полное спокойствие в сердце – косу ведь обратно не приделаешь. Щеки у Доринды были румяные, с ямочками, губы яркие даже без помады, всегда готовые широко улыбнуться. Рост у нее был пять футов пять дюймов (в обуви), а фигура приятная – с формами, но без лишнего веса.

В трубке щелкнуло, и голос Джастина Лея произнес:

– Ал-лоу!

Он всегда отвечал на звонки в небрежно-аристократическом тоне.

– Слушай... – начала Доринда, начисто пренебрегая правилами хорошего тона.

– А поздороваться? – спросил Джастин.

– Привет. Так вот – меня взяли!

– Да? Неужели?..

Тон у Джастина был скучающий, однако Доринда ни за что бы не поверила, что кто-то действительно способен скучать, когда она сама воодушевлена и счастлива. Она начала торопливый и подробный рассказ.

– Я увидела объявление. Одна девушка мне показала во время обеденного перерыва. Ну то есть, ее обеденного перерыва, а не моего. Она-то работает в офисе.

– А ты разве не обедаешь?

– Обычно обедаю, а сегодня не успела, потому что увидела объявление и сразу побежала по указанному адресу – в отель «Кларидж». Там уже сидели шесть претенденток, и они мне не очень-то обрадовались, понятное дело. И я подумала: если тут с утра очередь, у меня шансов нет. Я заходила последняя, и миссис Окли сказала, что у нее уже голова кружится от собеседований. Передо мной была рыженькая девушка, и она, когда вышла в коридор, заявила громким шепотом, чтобы все слышали:

– Ад крошечный! Я не стала бы на нее работать даже за тысячу в год!

И ногой топнула. Потом усмехнулась и добавила:

– Впрочем, за тысячу, наверное, стала бы. Только вскоре перерезала бы ей горло. Ей, себе и всем, кто попадется под руку.

В голосе Джастина промелькнули нотки заинтересованности, ему не свойственные:

– Незнакомка посвящает тебя в убийственные замыслы прямо в коридоре... Интересно! И почему со мной такого не случается? Что же ты ответила?

– Я спросила: «Почему?»

– До чего логично!

– А она ответила: «Сами увидите. На такое соглашаются только на грани нищеты». А я сказала: «Как раз мой случай».

– Неужели?

– Ну практически, – неунывающим голосом ответила Доринда.

– Ты поэтому не обедаешь?

Она рассмеялась.

– Теперь уже не важно, потому что меня взяли! Когда я зашла, миссис Окли лежала на диване, шторы были почти полностью задернуты – оставлена только узкая щель. Полоска света падала на стул, куда полагалось сесть, чтобы тебя получше рассмотрели. Словно выходишь на сцену, только без грима и костюма...

– Продолжай!

– Поначалу я совсем ничего не видела, слышала только голос – весьма раздраженный. Потом глаза привыкли, и я ее рассмотрела: волосы густые, светлые, очень ухоженные, видно, она следит, чтобы не поседели. Лет около сорока. А ведет себя, как избалованная девочка – знаешь, бывают такие люди... Пенюар божественно красивый, нежно-розовый, и золотистый пузырек нюхательной соли – как в кино!

– Кто она?

– Миссис Окли. Ее мужа зовут Мартин, он финансист. У них пятилетний сынишка и горы денег. Сын тоже Мартин, однако они называют его Марти – жуткое имечко для ребенка, правда?

– Правда. Продолжай!

Доринда продолжила:

– Сначала она лишь застонала и пожаловалась, что у нее от соискательниц голова разболелась. А я поинтересовалась – неужели ни одна не подошла. А она говорит: нет, у них голоса неприятные. Нужен голос, чтобы не нервировал, а последняя девица вообще – фурия. Я спросила, как ей мой голос. Ведь если он тоже неподходящий, какой смысл мне сидеть в луче света и отнимать у нее время. Она долго нюхала соли, а потом заявила, что я действую успокаивающе. Больше она на меня не смотрела, но будет платить три фунта в неделю!

Джастин не выразил должного восторга.

– А что за работа? Какие у тебя обязанности?

Доринда хихикнула.

– Должность называется «личный секретарь». Думаю, я буду делать все, чего миссис Окли, по причине своей хрупкости, делать не в состоянии: писать записки, отправлять цветы, отвечать на телефонные звонки. Про телефон она долго рассказывала. Ей звонят, а она порой не может слышать даже самых близких друзей, к тому же нужно сохранять силы к приходу Мартина. Также буду присматривать за Марти, если няня берет выходной, ну и всякое такое.

– И где ты будешь выполнять эти важные обязанности? В «Кларидже»?

– О нет, у нее в Суррее «загородный дом», как она выразилась. Там будет она, Марти, няня, я и прислуга – а по выходным всегда приглашают гостей. Думаю, дом огромный... Называется Милл-хаус. Выезжаем завтра!

Джастин помолчал и заметил с плохо скрываемой неприязнью:

– Наверняка сырость, в подвале вода стоит, а ботинки за ночь покрываются плесенью.

Доринда покачала головой.

– Нет, миссис Окли ничего такого не говорила. Дом на вершине холма. Раньше там стояла мельница, но разрушилась. Я тебе все подробно расскажу в письме. Ты понял, что я прямо завтра уезжаю?

– Да. Давай сегодня поужинаем вместе.

Доринда снова рассмеялась.

– Ну, не знаю...

– Это еще почему?

– Я собиралась поужинать с Типом при условии, что он возьмет с собой Баззера, и неизвестно, возьмет он его или нет...

– Все! Заеду в половине восьмого! – отрезал Джастин самым безапелляционным тоном.

Глава 2

Мартин Окли вышел из кабинета Грегори Порлока и закрыл за собой дверь. Некоторое время постоял, держась за ручку, словно размышлял – не вернуться ли. Он был высок, сухопар и бледен, с редяущими волосами и подернутыми дымкой темными глазами. Постояв, решил и, хмурясь, направился вниз по ступеням, не дожидаясь лифта. Если бы его увидела Доринда Браун, она обязательно изумилась бы необычайному сходству с темненьким сердитым мальчиком, которого мельком увидела, выходя из покоев миссис Окли. Однако Доринды рядом не было, она как раз увлеченно разговаривала по телефону с Джастином Леем в будке клуба «Вереск». Таким образом, необычайное сходство осталось незамеченным.

В кабинете, откуда только что вышел Мартин Окли, сидел, приложив к уху телефонную трубку, Грегори Порлок – приятный во всех отношениях мужчина – и ждал, когда мистер Тоут на другом конце скажет: «Аллоу». Убранство кабинета было изысканным и продуманным до мелочей. Мистер Порлок называл свое агентство «ведущим», и любой вошедший в кабинет убеждался, что дела у мистера Порлока идут как нельзя лучше. Обстановка свидетельствовала о наличии солидного счета в банке – от ковра на полу до картин на стенах. Интерьер был отнюдь не кричащий, однако говорил сам за себя. Богатство хозяина было явным, но не показным. Одежда мистера Порлока соответствовала интерьеру. Она была великолепна сама по себе, тем не менее не служила компенсацией недостатков фигуры, а скорее подчеркивала достоинства. Мистер Порлок был на редкость привлекательным мужчиной со здоровым цветом лица, пронзительными черными глазами и необыкновенно густой пепельно-седой шевелюрой. Лет ему было между сорока и пятьюдесятью, и, вероятно, за последние десять лет он прибавил несколько фунтов в талии, что, впрочем, его не портило, а придавало солидности.

В трубке щелкнуло, и мистер Тоут сказал:

– Алё!

Мистер Тоут не грешил дефектами речи, разве что в глубоком детстве. Однако всякий раз в трубку машинально говорил «Алё!», как, впрочем, многие.

Грегори Порлок любезно улыбнулся, хоть собеседник его и не видел, и произнес:

– Аллоу! Здравствуйте, Тоут! Как поживаете? Это Грегори Порлок.

В трубке затрещало.

– А как миссис Тоут? – продолжил Грегори. – Я бы хотел пригласить вас в гости на выходные. Нет-нет! Отказы не принимаются!

В трубке снова затрещало. Мистер Тоут сочинял отговорки:

– Я не знаю, смогу ли... Жена неважно себя чувствует...

– Мне очень жаль, дружище. Вероятно, перемена места пойдет ей на пользу, мой Грэндж-хаус, конечно, старинный, однако оснащен центральным отоплением, обещаю, что что не дам вашей жене замерзнуть! И компания собирается приятная. Вы знакомы с семейством Мартина Окли?

– Я встречал Мартина.

Грегори Порлок рассмеялся.

– А жену нет? Я, кстати, тоже не имел удовольствия. Они ночевать не останутся, так как недавно переехали в дом по соседству. Громоздкая развалина, по-моему... Только не говорите Окли! Он уверен, что купил великолепный дом. Я их приглашу на ужин. Они мои ближайшие соседи, и я намерен познакомиться с миссис Окли. Говорят, она хороша собой. Ну так как? Вы приедете?

Мистер Тоут с трудом слотнул.

– Вряд ли нам удастся...

– Дружище Тоут! Вы получили письмо с адресом и датой? Кстати, у меня есть пара документов, которые, возможно, будут вам интересны. Нам бы обсудить их при встрече – по-дружески, знаете ли. Неплохая мысль, на мой взгляд. Вы согласны? Вот и чудно! До свидания!

Едва повесив трубку, мистер Порлок набрал другой номер. На этот раз ответила женщина:

– Мойра Лейн слушает!

Голос был приятный и выдавал аристократическое происхождение, чего нельзя было сказать о мистере Тоуте.

Грегори Порлок представился, собеседники обменялись любезностями. Мисс Лейн получила приглашение провести выходные в загородном доме, которое с готовностью приняла.

– С удовольствием приеду! А кто еще будет?

– Тоуты. Вы вряд ли их знаете, и не уверен, что много потеряли. У меня небольшое дельце к мистеру Тоуту.

– Он из нуворишей?

– Верно. Жена вечно обвешивается украшениями, чтобы никто не сомневался в их богатстве.

Мойра мелодично рассмеялась.

– А что она из себя представляет?

– Да так. Серая мышка.

– Ох, Грег!..

– Вам необязательно с ней общаться. Еще приглашены мистер и мисс Мастерман – брат с сестрой. Недавно получили большое наследство от престарелой кузины.

– Есть же на свете везунчики! – шутливо вздохнула мисс Лейн.

Грегори рассмеялся.

– Не переживайте, надеюсь, и вам повезет!

– А кто еще?

– Ах, да! Леонард Кэрролл – специально для вас!

– О, Грег, дорогой! Почему специально для меня?

– Почти так же молод и прекрасен.

– Вы милы, однако нам обоим стукнет тридцать в самом ближайшем будущем.

Грегори снова засмеялся.

– Прекрасный возраст! Выражаясь детским языком – у вас на десерт теперь не только хлеб с маслом, вы доросли до настоящих пирожных.

Мойра дунула в трубку, посылая воздушный поцелуй.

– Лен действительно придет? Последний раз, когда я его видела, он заявил, что его график расписан на несколько месяцев вперед. Вот что значит популярный артист эстрады!

– Самый популярный артист эстрады, – поправил Грег. – Звание просто артиста его вряд ли устроило бы. И да – он будет. Что ж, в таком случае, до скорой встречи!

Грегори с довольной улыбкой повесил трубку.

Затем снова стал крутить диск.

– Это «Люкс»?

– Да, сэр.

– Подскажите, пожалуйста, мистер Леонард Кэрролл закончил выступление?

– Да, сэр, он только что освободился.

– Вы не могли бы ему передать, что его спрашивает Грегори Порлок? Я подожду.

Ждать пришлось довольно долго. Грегори коротал время, мыча под нос мелодию старинной шотландской песенки. Постепенно мычание перешло в песню:

«Любовь моя навечно,

Не брошу я тебя.
Скорее обмелеют
Все реки и моря.
Душа моя с тобою
До гробовой доски,
Но разлучат нас вскоре
Голландские стрелки».

Милый незамысловатый мотив, исполненный приятным баритоном. Грегори успел дважды повторить припев, прежде чем Леонард Кэрролл произнес:

– Аллоу!

Было слышно по голосу, что он запыхался.

– Леонард, дружище! Надеюсь, я вас ни от чего не оторвал!

– Чем обязан?

– Вот так прием! – шутливо упрекнул Грегори. – Видно, вы по уши в делах, и вам не до меня?

– Я этого не говорил.

Грегори рассмеялся.

– Хорошо бы и не думали... Если серьезно, я звоню пригласить вас в гости на выходные.

– Совершенно исключено!

– Как же вы порывисты, дорогой! Вы, наверное, слишком много работаете – я бы вам посоветовал взять паузу, а не то рискуете надолго выйти из строя. Как говорится, тише едешь – дальше будешь. Притормозите – это в ваших же интересах! Жду в субботу!

– Повторяю – не смогу! – не заботясь о вежливости, рявкнул Кэрролл.

– Какая жалость! – все еще улыбаясь, ответил Грегори. – А я, кстати, напал на весьма интересное чтиво – вам понравилось бы. Автор – некий Тошер. Откровение на откровении... Жаль, что у вас нет времени...

Кэрролл долго молчал, а потом медленно произнес:

– Наверное, стоит выехать из города на пару дней, отдохнуть...

– Отлично, дружище! Приезжайте в субботу, и я дам вам почитать Тошера.

Снова последовала долгая пауза.

– Хорошо.

Раздался щелчок. Леонард Кэрролл повесил трубку.

Оставался еще один звонок. Подошла женщина. Когда мистер Порлок спросил мистера Мастермана, она не слишком вежливо ответила:

– Он занят. Что-нибудь передать?

Грегори Порлок рассмеялся и произнес со светской любезностью:

– Мисс Мастерман, вы ли это? Какой же я глупец! Не узнал! Это Грегори Порлок.

– Ах, да. И что вы хотели, мистер Порлок? – немного мягче сказала мисс Мастерман.

– Я просто звоню сказать, что с нетерпением жду встречи в выходные. Вы ведь приедете к чаю?

– Я не знаю... Нужно спросить брата.

– Хорошо. Я подожду, если вы не возражаете. Передайте ему, пожалуйста, что я придумал, как уладить наше общее дело. Считайте, что проблема решена.

Телефон – чувствительный аппарат. Грегори Порлок находился за много миль от мисс Мастерман, однако ясно услышал, как она затаила дыхание. Он был почти уверен. И сделал вывод – мисс Мастерман посвящена в дела брата. Он, впрочем, так и думал, однако всегда лучше знать наверняка.

Она вскоре вернулась и сообщила, что они с братом придут в Грэндж-хаус к четырем часам, а мистер Порлок как радушный хозяин воскликнул:

– Чудесно! Надеюсь, компания придется вам по душе. Все очень приятные. Один из них – известный актер, сам Леонард Кэрролл, так что скучно не будет. Приедет Мойра Лейн – очаровательная девушка. Семейство Тоутов – простые и милые люди. А также наши ближайшие соседи. Что ж, наилучшие пожелания брату!

Мисс Мастерман ответила:

– Спасибо! – И в голосе действительно звучала признательность.

Грегори Порлок повесил трубку и расхохотался.

Глава 3

Ресторан, куда Джастин Лей пригласил Доринду, только-только входил в моду. Места уже всеми любимые он тут же объявлял вульгарными и начинал искать другие. Красивый и безупречный во всех отношениях молодой человек, Джастин достиг к тридцатилетию изрядной доли самоуверенности. Работал он в министерстве реконструкции. Глядя на него, невозможно было представить, что шесть лет жизни он провел невымытым, небритым и взмокшим от пота, познал и палящее солнце, и жгучий мороз. И мир вокруг него периодически рушился до основания. А Джастин выживал, с каждым разом становясь все грязней и небритей. Все это никак не вязалось с ухоженным брюнетом, одетым с элегантной небрежностью и держащимся так, что Доринда перед ним чувствовала себя школьницей. Однако она старалась не поддаваться комплексам и вести себя с Джастином на равных – иначе он станет совсем несносным, а общение с ним терять все же жаль – дальний или ближний, он был ее единственным родственником.

Голубое платье Доринда купила и надела только из-за цвета – и быстро осознала ошибку. Джастин, как и следовало ожидать, неодобрительно окинул ее взглядом. Если нужно выбрать всего одно вечернее платье, обязательно покупайте черное! Непременно хорошего качества – неважно, чем придется пожертвовать. Ведь вам его носить до конца дней – или ваших, или платья.

Доринда, играя ямочками, смело встретила осуждающий взгляд.

– Знаю, неудачное. Мне уже говорили, что оно не подчеркивает фигуру, а надо, чтобы подчеркивало. Зато цвет приятный, правда?

– Полный провал, дорогая.

Доринду было нелегко смутить.

– А где ты раньше был? Теперь я его уже купила! Розовое было еще хуже – его я не взяла. Говори, что хочешь, а по-моему, мне идет! Тип тоже так считает.

– Тип Ремингтон явно не в состоянии трезво мыслить – он слишком романтически настроен и скажет все что угодно.

– Баззер с ним согласен.

– Неужели? – равнодушно спросил Джастин, продолжая изучать меню.

Затем он поднял глаза, и к столику мгновенно подошел главный официант. Джастин подробно и увлеченно обсудил с ним заказ, после чего снова обернулся к Доринде, которая уже радовалась, что пропустила обед, предвкушая изысканный ужин.

– Ты с кем-нибудь из них помолвлена?

Она оторвалась от приятных мыслей о еде и откровенно сказала:

– Не уверена...

Джастин приподнял брови – неслыханная беспечность!

– Неплохо бы определиться... Это, разумеется, не мое дело, однако за обоих выйти не получится.

– О, я и не собиралась! Я еще долго не выйду замуж.

Принесли суп. Запах был божественным. Доринде удавалось есть не слишком быстро только благодаря строгому воспитанию тетушки Мэри. На смертном одре тетушка Мэри сказала Доринде:

– Пусть я оставляю тебе лишь пятьдесят фунтов в год, зато я научила тебя правилам хорошего тона!

Доринде правила хорошего тона часто мешали. Например, сейчас. Она была очень голодна.

Поглощая суп, она делилась с Джастином взглядами на брак.

– Понимаешь, замужество – это надолго, если, конечно, не рассматривать развод. А развод – это отвратительно, лучше постараться обойтись без него.

Джастин усмехнулся.

– Да, бывают неприятные случаи...

– Допустим, выйду я за Типа, – продолжила Доринда. – Ему двадцать четыре, а мне двадцать один. Значит, жить вместе придется лет пятьдесят-шестьдесят. Это ужасающе долго... Конечно, у него полно денег. Он работает у дяди и через пару лет станет совладельцем компании, и очень здорово иметь квартиру и машину, однако, боюсь, мне надоест быть замужем за Типом.

Доринда сделала паузу и перешла к рыбе соль меньер.

– Я бы на твоём месте за него не выходил, – сказал Джастин.

– Я и не собиралась, – ответила Доринда. – Точнее, очень вряд ли – если только Окли не окажутся «адам крошечным», как сказала рыженькая девушка. Она, кстати, была милая. Я бы не возражала с ней познакомиться поближе.

– Не увливай – ответь по существу! Собираешься ты выходить замуж или нет – это полдела, а что думают твои ухажеры? Ты обещала кому-то из них – или им обоим – свою руку?

Доринда лучезарно улыбнулась.

– Джастин, милый, рыбы вкуснее я еще не пробовала! Как хорошо, что я пропустила обед!

Джастин смотрел на нее сурово.

– Опять отвлекаешься... Забудь про рыбу! Дала ты им надежду или нет?

– А можно мне добавки?

– Можно, но ты еще не знаешь, что у нас дальше.

Доринда внимательно изучила меню и с сожалением вздохнула:

– Пожалуй, обойдусь без добавки... Столько всего вкусного!

– А на вопрос ты ответишь?

Пока официант делал перемену блюд, Доринда смотрела на Джастина, и он успел заметить, что несурзное платье делает цвет ее волос еще ярче. Даже Тип Ремингтон и Баззер Блейк с их неискушенным вкусом нашли бы ее волосы привлекательными. Хотя вряд ли они сумели бы оценить, что ресницы у Доринды точно такого же золотисто-каштанового оттенка. Если она решит краситься, придется с ней поговорить – столь необычный оттенок нужно сохранять как есть, чисто из эстетических соображений.

Когда они отведали курицу ан кассероль с грибным соусом, Джастин повторил вопрос.

– Надо бы ответить: «Тебя это совершенно не касается», – дружелюбно сказала Доринда.

– Вот как?

Доринда рассмеялась.

– Да, но я отвечу иначе. Дело в том, что...

– В чем же?

– К сожалению, я не умею отказывать...

Джастин даже рассмеялся. А рассмешить Джастина было большой удачей. Глаза у Доринды еще больше засверкали и потемнели от радости.

– Я серьезно – отказывать сложно. Они оба мне нравятся. Пожалуй, Баззер больше... вероятно потому, что он тоже беден, и я чувствую в нем родственную душу. С другой стороны, выходить за мужчину совершенно без средств я тоже не хочу – если уж я буду замужем, то хорошо бы завести детей, а растить их без денег крайне затруднительно.

– Пожалуй, верно.

– Еще бы! Я много думала о детях. Я бы хотела двух мальчиков и двух девочек. Даже при бесплатном образовании придется покупать всякие учебники и школьную форму. Однако это

еще полдела! Родители должны выпустить ребенка в мир, обеспечить заработком... Так что за Баззера идти не стоит. А за Типа грустно выходить – получается только из-за денег.

– Послушай, дорогая! Я тебе все равно не разрешу выйти ни за кого из них!

– И как же ты намерен мне помешать? – с искренним интересом осведомилась Доринда.

– Точно не знаю, что-нибудь придумаю, не сомневайся! А тебе советую тренировать характер и твердить «нет» перед зеркалом по пять минут каждый день. Нельзя выходить за всех, кто позовет!

– Никто и не звал, кроме Типа. Баззер сказал, что не женится, пока не найдет нормальную работу, и, если я его дождусь... Считается ли это за предложение?

– Не считается! Ни тот, ни другой! Пообещай мне, пожалуйста, хотя бы одно!

Доринда не была лишена осторожности. Она предусмотрительно спросила:

– Что именно?

– Не обручайся без моего ведома! И вообще – не торопись! Принцип таков: обручайся только если точно уверена, что хочешь выйти замуж, а замуж выходи только если без этого совсем никак. Разве тетушка Мэри тебя не научила? – В глазах Джастина читалась легкая насмешка.

Доринда ответила с присущей ей откровенностью:

– Тетушка вообще велела не выходить замуж. Она недолюбливала мужчин. Из-за Подлого дядюшки.

– Я никогда тетю Мэри не встречал, однако, по твоим рассказам, она весьма неприятная особа.

– Совсем нет! – воскликнула Доринда. – Она, например, сделала невероятно доброе дело, взяв меня на воспитание. Кроме нее охотников не нашлось, а она посчитала своим долгом приютить ребенка. Мне было всего два года, и она наверняка со мной намучилась!

Если Джастин и умилился при мысли о двухлетней улыбочивой Доринде, которой и в голову не приходит, что ее приютили из жалости, то виду не показал. Миссис Поршес не стала нравиться ему больше.

Доринда продолжила:

– Подлый дядюшка на самом деле был редкостным пройдохой. Сбежал из дома и кутил направо, потом возвращался, забирал у тети деньги и снова кутить.

– Существует закон, по которому имущество замужней женщины неприкосновенно. Почему она позволяла ему себя грабить?

– Она мне рассказывала про дядю, будучи уже больной. Кажется, она была немного не в себе... Она говорила: «Никогда не выходи замуж, Доринда! Дай мужчине власть, и он разобьет тебе сердце!» Как-то раз призналась: «Он был негодяем до мозга костей». И спросила, помню ли я его. Я ответила, что помню, как называла его «дядя Глен», у него были смеющиеся темные глаза и белый шрам на запястье. Тетя ответила с горечью: «Да, было в нем очарование. Своей улыбкой он мог и душу вытянуть, и последний пенни». Дядя, оказывается, присвоил все ее сбережения, кроме годовой ренты и пятидесяти фунтов в год, отложенных для меня. Тетя велела дяде больше ни пенни не давать.

– Он разве не умер?

– Она не знала, жив он или нет. Под самый конец – совсем уже не в себе – она пыталась взять с меня обещание, что я никогда не выйду замуж. Я, конечно, обещать не стала.

– Отсылай претендентов ко мне.

– А знаешь, Джастин, это неплохая идея! Безумно сложно постоянно говорить «нет» одной, без поддержки. Я давно мечтала иметь строгого родителя или опекуна, чтобы говорил «нет» за меня. Ты действительно готов отшивать женихов?

– Готов! Отошью с удовольствием. У меня отлично получится! Вот увидишь! Будешь мороженое?

Доринда посмотрела с укором.

– Разумеется буду! Джастин, спасибо за прекрасный ужин!

– На здоровье, дорогая. Послушай, я тут навел справки по поводу твоих Окли. Муж хорошо заработал во время войны.

– Да, я же говорила – они богаты. Миссис Окли рассказывала. Она из тех, кто сразу все выкладывает...

Джастин рассмеялся.

– В таком случае, Мартин Окли, должно быть, старается ни во что ее не посвящать. В общем, он вполне стабилен в плане денег, а про нее ничего плохого не известно – пожалуй, нет причин отказываться от работы.

Доринда зарделась от удовольствия. Джастин взял на себя труд разузнать, что за люди Окли, потому что она собирается у них работать. Доринда нашла его жест невероятно милым. О чем сразу же сообщила Джастину.

– Ведь больше никто обо мне не заботится! Только я сама. А было бы чудесно иметь строгого отца или опекуна – или кого-то в этом роде – для подобных случаев. Я бы ощущала тыл, если понимаешь, о чем я...

Джастин мило улыбнулся и возразил:

– Отцом я быть отказываюсь!

Доринда окинула его оценивающим взглядом.

– Да, ты, скорее, тянешь на брата...

– Вот уж нет, Доринда! Братом я тебе точно не буду!

Доринда списала резкий ответ на неудачное платье. Конечно, сестра Джастина никогда не купила бы платье только из-за того, что понравился цвет. Сестра Джастина должна обладать безупречным вкусом и не позорить его перед людьми. Однако в голосе Джастина была непонятная ей теплота.

Она сказала:

– Да, твоя сестра была бы совсем на меня не похожа.

Джастин загадочно улыбнулся.

– Я согласен быть «кем-то в этом роде».

Глава 4

На следующее утро Доринда отправилась в Милл-хаус – на большом «роллс-ройсе» в компании миссис Окли, гувернантки по имени Флоранс Коул, Марти и горничной, которая сидела рядом с шофером. Горничная проработала на миссис Окли около недели, однако уже выглядела измотанной. Рядом с миссис Окли никто, кроме Марти, долго не оставался. Флоранс Коул продержалась в семье Окли дней десять, и, насколько Доринда могла судить, шансы, что она останется на следующий месяц, стремительно таяли. Гувернантке, вероятно, неплохо платили, однако Марти и правда был «кромешным адом». Поскольку мальчик совершенно не походил на светленькую, полупрозрачную мать, Доринда сделала вывод, что он пошел в отца. В таком случае неудивительно, что мистер Окли даже на войне сколотил состояние. Доринда в жизни не встречала более требовательного ребенка. Он желал заполучить все, на что падал глаз. Сначала подпрыгивал на новеньком пружинистом сиденье и громко клянчил. Если не помогало, начинал реветь, будто раненый бык, и тогда миссис Окли раздраженно говорила: «Мисс Коул, ну сделайте что-нибудь!»

Сперва ему приглянулся черный козленок, который пасся на привязи у обочины дороги. Машина быстро пронеслась мимо, однако Марти еще долго возмущался, пока его внимание не привлекла брошь Доринды. Пронзительный, как вой сирены, вопль умолк, Марти на секунду застыл с широко открытым ртом, затем повелительно ткнул в брошь пальцем и спросил вполне нормальным голосом:

– Это что?

– Брошка, – ответила Доринда.

– Почему брошка?

– А почему ты – Марти?

Марти начал подпрыгивать.

– Почему брошка? Хочу посмотреть! Дай!

– Смотри со своего места. Или можешь подойти поближе. Это шотландская брошь. Она досталась мне от прабабушки. Желтые камушки – это кварц. Его добывают в горах Кэрнгормс.

– Как добывают?

– Находят.

– Хочу поехать и найти! Прямо сейчас!

– Сейчас холодно, – не растерялась Доринда. – Глубокий снег. Ты не найдешь камни.

Марти продолжал подпрыгивать.

– Глубокий? Мне по куда?

– Четыре фута и шесть с половиной дюймов. С головой провалишься.

Смуглые щеки Марти слегка покраснели. Он запрыгал энергичнее.

– Не хочу проваливаться!

– Снег растает к лету, – улыбнулась Доринда.

– Хочу сейчас! Хочу брошь! Быстроними! – уже подлетая на пружинистом сидении в воздух, требовал Марти.

– Не могу.

– Почему? Хочу!

Миссис Окли, которая сидела, откинувшись на спинку, приоткрыла глаза и обреченно произнесла:

– Если не отдадите, будет кричать...

– А когда он кричит, вы сразу ему все даете? – поинтересовалась Доринда.

– Конечно. Он же кричит, пока не дашь... У меня сдают нервы.

И миссис Окли снова закрыла глаза.

Марти тем временем уже открывал рот и готовился издать рев. Доринда чуть было не спросила, не пробовал ли кто-нибудь его хорошенько отшлепать, однако сдержалась. Она дрожащей рукой открепила украшение и протянула ребенку. Тот просиял, схватил вещицу, с размаху вонзил иголку в ногу Доринды, а потом с хохотом вышвырнул брошь в чуть приоткрытое окно. Они остановились не сразу, поэтому точное место падения было трудно определить. После не слишком усердных поисков компания двинулась дальше, оставив брошь прабабушки Доринды на обочине дороги.

– Какой Марти меткий! – восхитилась миссис Окли. – Попал прямо в щель! Надо же!

Даже Доринда, добрая душа, не нашла вежливого ответа. Флоранс Коул, очевидно, окончательно умыла руки. Она была бледной и довольно тучной молодой особой, ее с детства приучили всегда дышать через нос – что бы ни случилось. Когда машина останавливалась, было хорошо слышно ее сосредоточенное сопение. Марти продолжал прыгать и вопить – он потребовал кролика, который, мелькнув хвостиком, скрылся в живой изгороди, потом – вывеску таверны с белым оленем на зеленом лугу, потом – кошку, которая мирно спала на подоконнике одного из домов, и наконец – шоколаду. Тут мисс Коул, все еще напряженно сопя, открыла сумочку и извлекла плитку. Марти вымазался с ног до головы и уснул с шоколадом в руке. Воцарилась тишина, и никто не мог поверить своему счастью.

Марти спал до самого прибытия в Милл-хаус. Узкая мрачная дорога, над которой смыкали кроны деревья, петляя, заползала на холм. Дом стоял на вершине в зарослях низкого кустарника, продуваемый всеми ветрами – огромный и откровенно уродливый, с нелепыми орнаментами из красного и желтого кирпича и огромным количеством несуразных башенок и балкончиков. Миссис Окли нервно передернула плечами и объявила, что все идет прекрасно. Тут проснулся Марти и принялся голосить, требуя полдник. Доринда с ужасом подумала, не придется ли ей разделить участь бедняжки мисс Коул и тоже полдничать в детской, и с облегчением узнала, что не придется. Зато сомнений, что мисс Коул не останется до конца месяца, уже не оставалось – единственный вопрос: уедет она вечерним поездом или утренним. И если мисс Коул уедет, Доринда ни за что не возьмет на себя воспитание Марти – даже за тысячу в год! Ну или пусть предоставят ей полную свободу в выборе методов...

Доринде же предстояло полдничать с хозяйкой в «будуаре», поэтому она пребывала в радостном предвкушении, так как о «будуарах» читала лишь в старых романах. Ожидания оправдались с лихвой. Войдя, Доринда увидела розовый с белым ковер, розовые с белым занавески, отороченные темно-розовой каймой, и диван с немыслимым количеством подушек. В целом обстановка говорила о крайней расточительности владелицы.

Миссис Окли возлежала среди подушек в бело-розовом халате, а Доринда, сидя на страшно неудобном золоченом стуле, разливала чай. Когда с полдником было почти покончено, в дверь постучали.

– Войдите! – удивленно сказала миссис Окли.

В комнату зашла Флоранс Коул – в уличном платье. Вид у нее был решительный, и Доринда заранее поняла, что именно Флоранс пришла сообщить. И правда – та громко и твердо объявила:

– Прошу прощения, миссис Окли, но я уезжаю! На ближайшем поезде – в шесть. Ребенку я дала полдник и оставила с горничной. Она сказала, что его няня живет в деревне и якобы с ним справляется... Если это правда, и существует на свете человек, способный сладить с вашим сыном, лучше вызовите ее! Я увольняюсь! Он только что попытался вылить мне на ноги кипяток из чайника.

– Ему не всегда удастся совладать с темпераментом... – пролепетала миссис Окли.

– Ему не помешала бы хорошая порка! – ответила мисс Коул, слегка покраснев, и добавила: – Я промучилась с ним десять дней! Вы ведь заплатите мне, миссис Окли? Полагаю, никто не стал бы спорить, что я заслужила вознаграждение!

– Не знаю, куда я подевала кошелек... – растерянно произнесла миссис Окли. – Мисс Браун, будьте добры... Идите поищите вместе с мисс Коул. Должно быть, остался в сумке, которую я держала в машине.

Кошелек был найден, и мисс Коул, получив положенное вознаграждение, а также сумму на обратный билет, смягчилась.

– Если хотите, миссис Окли, я зайду к няне – миссис Мэйсон, по дороге. Дорис говорит, ее в деревне все знают.

Миссис Окли засомневалась:

– Да, ее найти нетрудно... Вот только она вряд ли согласится. Муж тогда решил, что Марти слишком взрослый для няни. И она была очень расстроена. Вряд ли вернется...

– Дорис говорит – еще как вернется! Говорит, что няня привязана к Марти, – возразила Флоранс Коул, и по ее тону было понятно – лично ей кажется невероятным, что кто-то может к нему привязаться.

– Что ж, тогда загляните к ней... – вновь залепетала миссис Окли. – Только вот муж будет недоволен... И если мисс Браун вдруг согласится...

– Ни за что не соглашусь! – очень твердо заявила Доринда.

Миссис Окли прикрыла глаза.

– Что ж, тогда загляните... Очень любезно с вашей стороны... Вот только муж...

– Прощайте, миссис Окли! – сказала Флоранс Коул и вышла.

Доринда проводила ее до лестницы, и они пожали друг другу руки.

– Надеюсь, вы скоро найдете хорошее место! Вам есть где жить?

– Да! Моя сестра замужем. А вы остаетесь?

– Постараюсь остаться.

– По-моему, отсюда надо уносить ноги! – сказала Флоранс Коул.

Доринда еще вспомнит ее слова.

Глава 5

Где-то полчаса спустя Доринда постучала в дверь детской комнаты.

– Войдите! – ответили изнутри.

Комната короткий период времени именовалась «классной», но теперь вернулась в первоначальный вид и вновь стала «детской». У камина сушилась одежда Марти, сам Марти прибирал игрушки, а рядом статная и строгая пышногрудая женщина (по виду – настоящая няня) штопала носки. Царили мир и покой, однако чувствовалось, что если кто-нибудь посмеет покой нарушить – няня сразу же разберется с нарушителем. Доринда хорошо знала, что такое няня. За ней тоже присматривала довольно строгая особа, пока Подлый дядюшка не разорил тетушку Мэри окончательно.

– Добрый день, няня! – самым уважительным тоном произнесла Доринда и объяснила, что миссис Окли просила узнать, не нужно ли чего.

Нянюшка Мэйсон склонила голову и ответила (тон у нее был мягкий, однако стальные нотки ясно ощущались), что если ей что-нибудь понадобится, она сообщит миссис Окли сама.

Марти остановился возле Доринды с обезглавленной лошадкой в руках.

– Нянюшка говорит – никогда не видела такого разгрома и погрома! – объяснил он.

– Хватит разговоров, Марти! Продолжай уборку! До сих пор не могу опомниться – в каком ужасном состоянии твои игрушки!

Марти засунул подальше туловище лошади и обернулся к няне с радостной улыбкой.

– Я был очень-очень плохим с тех пор, как вы уехали, правда, нянюшка? – спросил он.

– За уборку, Марти!

Марти собрал с пола очередную порцию обломков, а затем покаялся:

– Я даже выкинул ее брошку из машины! – Тут он обернулся к Доринде за подтверждением. – Правда ведь? И еще воткнул ей иголку в ногу, чтобы посмотреть, пойдет ли кровь. Кровь шла, мисс Браун?

– Я не проверяла, – ответила Доринда.

Няня обратила на преступника пронизывающий взгляд.

– Тогда немедленно извинись перед мисс Браун! Это что еще за новости – колоть людей иголками! Так поступают дикари и варвары, а не мои воспитанники! Сейчас же извинись!

Марти тут же бросил обломки игрушек, сделал два шага вперед, торжественно сложил руки и произнес скороговоркой:

– Простите-меня-пожалуйста-я-больше-так-не-буду!

Далее последовала воспитательная беседа, в ходе которой, к пущему негодованию нянюшки, выяснилось, что брошь досталась Доринде от прабабушки. Марти рассказал и про добычу кварца, а закончил следующим:

– Она летела, как пуля – вот как я кинул!

– Хватит об этом! – решительно сказала няня.

– Еще я полил мисс Коул из чайника! – не унимался Марти. – И она надела пальто и уехала!

– Хватит, Марти! Через десять минут игрушки должны быть на местах, иначе сам знаешь, что будет.

Марти усердно принялся за работу.

Доринда повернулась к двери, однако ее внимание привлек один предмет на полу. Перед тем как извиниться, Марти не выронил, а, скорее, швырнул игрушки на пол, и мелкие предметы разлетелись в разные стороны. Среди них была маленькая помятая фотокарточка. У Доринды словно что-то оборвалось внутри. Затем как будто издали донесся строгий голос няни:

– Марти, где ты взял эту фотографию? У мамы?

– Из коробочки... – ответил Марти.

– Из какой еще коробочки?

– Ну коробочки... С самого дна... она там помялась...

Доринда слышала диалог, однако смысл слов от нее ускользал. Она стремительно падала в пропасть... Невероятным усилием воли она заставила себя произнести:

– Давайте, я верну фото на место. – И вышла.

Спальня Доринды располагалась прямо напротив детской. Заперев дверь, Доринда села на кровать и с ужасом смотрела на смятую фотокарточку. Ошибки быть не могло. И название ателье читалось яснее некуда – «Чарльз Рубеккер и сын, Норвуд». У тетушки Мэри в альбоме была точная копия. На Доринду, как ни странно, смотрел не кто иной, как Подлый дядюшка.

Глава 6

Доринда была потрясена до глубины души. Впрочем, у каждого из нас есть родственник, которого мы втайне надеемся никогда больше не увидеть. Так уж повелось с незапамятных времен, и так, вероятно, будет всегда. Вот и Доринда смотрела на фотографию и пыталась убедить себя, что ничего особенного не произошло. У кого нет в роду Подлого дядюшки? Кто не находил случайно его фото среди игрушек отпрыска нового работодателя? Ей казалось – если удастся поверить в обыденность ситуации, тошнота отступит.

Глен Поршес еще в раннем детстве оставил в душе Доринды неизгладимый след. Когда-то – очень-очень давно – она тоже попала под его знаменитое очарование. А потом проснулась как-то ночью и услышала их разговор с тетушкой Мэри; тогда очарование рассеялось и сменилось горечью. Ей было всего лет шесть, однако она помнила до сих пор, как лежала в темноте, а из соседней комнаты доносились голоса. Вероятно, дверь была приоткрыта, потому что слышала она прекрасно. И сцена навсегда врезалась в память – возможно, потому, что Доринда в первый раз в жизни слышала, как плачет взрослый. Тетушка Мэри рыдала, а дядя Глен смеялся, словно она его забавляет. А потом он пропал года на два. Тетушка Мэри больше не плакала, зато стала строгой и сердитой.

Доринда стряхнула воспоминания. Все в прошлом! Тетушки Мэри нет в живых. А жив ли Подлый дядюшка – вопрос. И на этот вопрос ответа у Доринды не было. Последний раз дядя проявился около семи лет назад – внезапно и ненадолго, а затем исчез, а тетушка Мэри стала еще экономнее. Доринда была уверена, что он уже умер, раз больше не приходит, тем более у тети больше ничего не осталось. У тети Мэри в последние годы была лишь ежегодная выплата, которую дядя при всей изворотливости не смог бы прикарманить.

Доринда все смотрела на фотографию. У тети в альбоме была точно такая же... Красивый брюнет с темно-карими смеющимися глазами. Слегка выющиеся волосы – точнее, слегка завитые. Белозубая улыбка, которую все, кто его встречал, единодушно находили обворожительной. Интересно, когда же снимок был сделан? Явно не раньше, чем пятнадцать лет назад – после этого дядя возвращался к тете лишь за очередной порцией денег и уж вряд ли стал бы дарить ей снимки на память. Значит, фото со времен их жизни в Норвуде. До Большого скандала.

Большой скандал и фотоателье «Чарльз Роубеккер и сын» случились гораздо раньше, чем приезд Доринды в Милл-хаус. Она вдруг ужаснулась: а вдруг Мартин Окли и дядюшка – одно лицо? Мысль была слишком пугающая, чтобы надолго на ней задерживаться. Доринда вспомнила, что няня никак не назвала человека на фото. Она не сказала: «Откуда у тебя снимок папы и почему он так измялся?» Тошнота отступила, Доринде почти удалось себя убедить, что худшие опасения вряд ли оправдаются. В альбомах часто лежат ненужные фото. Тетя Мэри, например, иногда не помнила имен людей со старых фотографий. А у миссис Окли дядя Глен даже не попал в альбом. Его фото – ненужный хлам...

Доринда спрятала снимок в широкий накладной карман и спустилась. Казалось бы – чего проще: зайти в будуар, выложить фото перед миссис Окли и сказать: «Завалилось среди игрушек Марти. Няня просила отнести вам». Но нет. Доринда даже не решалась открыть дверь и зайти. Ужасная глупость! Если бы горничная Дорис не проходила мимо, Доринда и вовсе осталась бы в коридоре и, возможно, со временем выросла бы в пол. Однако ей пришлось зайти.

Комната была пустой. Из прилегающей к будуару спальни доносились голоса – миссис Окли одевалась к ужину.

Доринда с облегчением выложила фото на вычурный письменный столик и побежала наверх переодеться в снискавшее осуждение голубое вечернее платье.

Когда она вновь спустилась, миссис Окли сидела не на диване, как раньше, а в самом удобном кресле. Наряд ее был так же розовым, однако немного другого оттенка. Фотография со столика исчезла, и миссис Окли о ней не заговаривала, что Доринду вполне устраивало. Должно быть, многие знакомые Глена Поршеса имеют причины не желать о нем говорить.

Подали роскошный ужин. Что ж, много вкусных трапез – приятная перемена после аскетичного рациона в клубе «Вереск».

Они едва успели покончить с едой, как зазвонил телефон. Доринда вспомнила, что ее основная обязанность – ограждать миссис Окли от звонков, и побежала брать трубку. Аппарат стоял на том самом столике, где она оставила фотокарточку. Доринда подняла трубку.

– Секретарь миссис Окли слушает.

Ответил мужской голос:

– Передайте миссис Окли, что с ней желает поговорить Грегори Порлок.

Доринда прикрыла трубку рукой и передала сообщение миссис Окли.

– Нет, нет и нет! – ответила миссис Окли. – Я говорю только с Мартином или кем-то, кто мне очень хорошо знаком! Пусть скажет все, что нужно, вам, а вы расскажете мне.

Доринда снова приложила трубку к уху.

– Прошу прощения, мистер Порлок. Миссис Окли не разговаривает по телефону. Я просто не знала – я работаю недавно. Можете передать через меня.

Мистер Порлок подавил смех. Уже хорошо – не рассердился.

– Передайте, что я сегодня видел ее мужа, – сказал он. – Я собираю гостей в эти выходные, и муж миссис Окли обещал, что они заедут ко мне в субботу вечером. Поскольку с миссис Окли я не знаком и получил согласие лишь от ее супруга, я решил позвонить ей лично.

Доринда пересказала, на что миссис Окли уныло ответила, что если Мартин пообещал, то, наверное, придется идти. Говорила она тихо, и Доринда порадовалась, что в Грэндж-хаус ее не расслышали. Доринда вежливо поблагодарила за приглашение от лица хозяйки, на что мистер Порлок ответил:

– Чудесно!

В его тоне промелькнуло нечто до боли знакомое. Воспоминание вспыхнуло, а потом ускользнуло.

– Мне бы все-таки переговорить с миссис Окли и узнать, не окажет ли она мне любезность, взяв с собой вас... мисс Браун, верно? Да, кажется, Мартин Окли сказал именно так. Мисс Доринда Браун. Пожалуйста, передайте мою настойчивую просьбу – в нашей компании не хватает дамы, и кроме того, я бы очень хотел с вами познакомиться.

Доринда, нахмурившись, окинула телефонный аппарат подозрительным взглядом. Манера мистера Порлока казалась ей знакомой. Она вкратце изложила приглашение миссис Окли:

– Говорит, не хватает одной женщины в субботу, предлагает взять меня. С мистером Окли он уже договорился.

Миссис Окли промычала нечто невнятное. Доринда выразила согласие в трубку.

– Чудесно! – повторил мистер Порлок и отключился.

Доринда вернулась на свое место под пристальным взглядом миссис Окли.

– А у вас есть вечернее платье, мисс Браун? Достаточно приличное...

Что-то было явно не так со злосчастным голубым платьем, раз миссис Окли ни на минуту не допустила мысли, что оно подойдет.

– О, нет... Этого я и боялась. Мартин звонил, пока я одевалась, велел проследить, чтобы вы были прилично одеты...

Любому было бы неприятно услышать подобное – Доринда не была исключением. Она сухо ответила:

– Я могу не ездить в гости.

Миссис Окли сморщилась, словно вот-вот расплчется.

– Ой, вы обиделись... Мартин скажет, что я бестактная. А я не бестактная, просто думать о чувствах других ужасно утомительно, у меня нервы сдают. Насколько было бы проще, если бы вы не обижались... Тем более, мы не вправе заставлять вас тратить на одежду, которая соответствует... ну, вы понимаете...

Да, Доринда прекрасно понимала. Она в данный момент была не просто Дориндой Браун, а относилась к имуществу семейства Окли и всем своим видом должна была показывать их финансовое благополучие. Они ни за что не появились бы на людях на поломанной машине, с затрапезными лакеями или дурно одетой секретаршей. В Доринде разыгралась шотландская гордость.

А потом она вдруг заметила, что на миссис Окли лица нет от страха – та всем телом подалась вперед и оперлась дрожащей рукой на подлокотник кресла Доринды.

– Мисс Браун, пожалуйста, не обижайтесь! Давайте мы подарим вам платье – вы еще совсем юны, отчего не принять подарок?

Доринда разглядела за розовыми перьями живого человека, причем не очень-то взрослого и достаточно уязвимого. И к ней вернулась обычная доброжелательность. Она сказала:

– Вы очень добры, миссис Окли! С удовольствием приму!

Когда хозяйка удалилась отдыхать, Доринда набрала номер Джастина Лея.

– Слушай, я завтра буду в городе... Да, знаю – ты думал, что на какое-то время от меня избавился. Но нет! Я ненадолго свалюсь на твою голову. Как рецидив тяжкого недуга.

Джастин произнес небрежно и с легкой усмешкой:

– Пожалуй, на тяжкий недуг ты не тянешь. А удастся ли мне уговорить тебя вместе пообедать?

– Да, в час дня! Я еду выбирать платье к субботнему ужину, как раз покажу тебе обновку и сдам обратно, если тебе не понравится.

– Ну уж нет! Не знаю, как принято у Типа и Баззера, но в кругах, где вращаюсь я, не принято примерять платья прямо за едой.

– Ох, Джастин, ты бываешь настоящим чудовищем! – простонала Доринда.

– Напротив! Я благородный рыцарь. Я перенесу начало обеденного перерыва на двенадцать и встречу тебя... куда ты там идешь?

– Миссис Окли посоветовала... ну, она целый список названий дала...

– Ладно. Начнем с самого большого. И встретиться там легче. Жди меня у лотка с перчатками. Я выступлю в роли эксперта моды. Когда ты встаешь?

– О, Джастин! – восторженно воскликнула Доринда. – Ты правда поможешь? Я встаю в половине одиннадцатого. И еще есть пара поручений от миссис Окли. Ну, неважно! Я все успею до нашей встречи. А в офисе мистера Окли мне нужно быть к половине второго – он отвезет меня обратно. Надеюсь, поездка будет не такая безумная, как сегодня.

– А что случилось сегодня?

Доринда начала рассказывать про Марти и брошку. Она хотела его позабавить своей историей, однако Джастину было совершенно не смешно. Он возмущенно воскликнул:

– Прабабушкина брошь!

– Да, – вздохнула Доринда. – Причем моя единственная. Теперь придется купить в качестве застежки золотую булавку. Я видела одну за семь фунтов и шесть пенсов.

– Вряд ли она золотая...

– Ох, какой ценитель, – хихикнула Доринда. – Разумеется, не золотая, а позолоченная.

Джастин вдруг рассердился. Доринда никогда раньше не была свидетельницей его гнева и изрядно удивилась. На другом конце провода что-то грохнуло – вероятно сломалось. Словно хлопнула дверь – хотя он не мог хлопнуть дверью с трубкой в руках.

– Совершенно недопустимо! – гневно произнес Джастин.

А Доринда пошла спать в самом приподнятом расположении духа.

Глава 7

Мисс Мод Сильвер присматривала шерсть для детских кофточек. Она с огромным удовольствием перебирала мягкие нежно-розовые клубки, восхищаясь тем, как безупречно они смотаны (сама она так не смотала бы). Глаз радовался после бесконечных изделий цвета хаки, которые она вязала для летчиков во время войны, и скучных серых носков, которыми она снабжала трех сыновей племянницы Этель. Старший брат Этель долгое время жил за границей, а несколько месяцев назад вернулся, и его жена, Дороти, ждала первенца. Вся семья находилась в радостном предвкушении – пара была жената уже десять лет, и вид пустой детской давно нагонял на Дороти тоску. Мисс Сильвер хотела приготовить особенный подарок для такого исключительного случая. Она выбрала шерсть очаровательного нежно-розового оттенка, мягкую и легкую. Затем оплатила покупку и стояла в ожидании свертка с шерстью и сдачи.

Клубки чудных оттенков громоздились на большом трехъярусном стенде между четырьмя отделами. Прямо напротив мисс Сильвер располагался отдел с чулками, перчатками и носовыми платками. За спиной виднелись длинные Ряды дешевых платьев. Справа – за стендом с зонтами – продавали свитера и прочие вязаные изделия. Слева стояла палатка с бусами, браслетами и стеклянными букетиками, а за ней находился отдел дамских шляпок. Мисс Сильвер сочла, что все выглядит необычайно ярко и красиво. Особенно приятно, что магазины снова наполнились людьми – после нескольких бедных лет, когда даже самые заманчивые витрины не могли завлечь покупателей.

Не одна мисс Сильвер любовалась товарами. У палатки с бусами и браслетами стояла девушка – склонилась над прилавком с брошками из стекла и яркой эмали в форме букетиков фиалок, ромашек, остролиста и мимозы. У девушки были золотисто-каштановые волосы – и ресницы точно такого же цвета. Свободное твидовое пальто медового оттенка было весьма поношенное, но сидело хорошо и шло обладательнице. В чем та, очевидно, не сомневалась. Мисс Сильвер подумала, что веточка мимозы украсит лацкан как нельзя лучше. Девушка долго присматривалась к брошкам, затем со вздохом сожаления отошла.

Как раз в это время группа покупателей направилась из чулочного отдела в шляпный. Они проходили мимо стенда с украшениями и окружили девушку в твидовом пальто. Мисс Сильвер наблюдала с нарастающим интересом. Девушка выбралась из людского потока и направилась к носовым платкам. Вдруг от группы прохожих отделилась невысокая темноволосяя женщина, обошла платочный прилавок с другой стороны и обратилась к продавщице. Что-то торопливо сообщила, а затем слилась с толпой и исчезла из виду.

Мисс Сильвер отвернулась, чтобы забрать сдачу и сверток, затем тоже поспешила к платочному стенду. Однако опоздала. Крайне удивленная Доринда Браун уже шла по коридору в сопровождении весьма настойчивого охранника. Они свернули налево, затем направо, снова налево, и удивление Доринды сменилось тревогой. Она не понимала, что происходит, и ей становилось все больше не по себе. Зачем ее ведут в кабинет управляющего? Ей управляющий не нужен, и зачем она ему понадобилась – тоже совершенно не ясно.

Они подошли к отполированной до зеркального блеска двери и оказались в шикарном кабинете, где за письменным столом восседал крупный заметно лысеющий мужчина, который строго взирал на Доринду сквозь очки в роговой оправе.

– Воровка, сэр! – тем временем объявил охранник за спиной.

От возмущения Доринда вспыхнула до корней волос. Она отличалась добрейшим нравом, однако быть обвиненным в воровстве охранником... Тут любой взорвется! Доринда вне себя от гнева топнула ногой и воскликнула:

– Как вы смеете!

Что не произвело ни малейшего впечатления на управляющего.

– Отдадите сами или придется вас обыскать? – самым оскорбительным, по мнению Доринды, тоном произнес он.

– Наверное, в карманах! – снова раздался над ухом голос охранника.

Тут в комнату без стука вошла мисс Сильвер – маленькая и старомодная, похожая на гувернантку начала века. На ней было практичное черное пальто, купленное всего пару лет назад, и желтый меховой воротник невнятного происхождения. Шляпка, хоть и приобретенная только осенью, изначально выглядела как вещь десятилетней давности, и обещала в скором времени расползтись по швам. Она была пошита из черного фетра, впереди красовалась маленькая сиреневая морская звезда, а сзади – переплетение из тонкой сиреневой ленты. Жидкие волосы мисс Сильвер были аккуратно завиты в стиле ранней эдвардианской эпохи. Под сеточкой вуали виднелась челка в духе королевы Александры. На почтенном лице поблескивали маленькие серовато-ореховые глазки, которые, как однажды выразился сержант Эббот из Скотленд-Ярда, всегда видели даже невидимое.

Управляющий обратил на вошедшую устрашающий взгляд сквозь очки в роговой оправе.

Мисс Сильвер совершенно не устрашилась. Она подошла к столу и, вежливо кашлянув, произнесла:

– Доброе утро!

– Мадам, вы находитесь в моем кабинете!

Мисс Сильвер склонила голову на бок с таким достоинством, что в душе у управляющего зашевелились нехорошие предчувствия. Старомодность наряда еще не говорит о бедности и низком статусе. Иногда очень обеспеченные и известные люди придерживаются подобного стиля. Есть, например, одна вдовствующая герцогиня – большая чудачка...

Мисс Сильвер тем временем произнесла:

– Позвольте мне сказать?

Управляющий оставил попытки поставить гостью на место и вежливо осведомился о цели визита.

Мисс Сильвер снова кашлянула – с еще большим достоинством. Дополнительных подсказок не понадобилось – управляющий принес свои извинения. Мисс Сильвер их приняла. Когда она служила гувернанткой (к счастью, те времена остались в прошлом), она умела держать в узде своих учеников, не проявляя при том жесткости. Навык остался. Она уверенно сказала:

– Меня зовут Мод Сильвер. Я покупала розовую шерсть и стала свидетельницей происшествия, вследствие которого эту даму препроводили в ваш офис.

– Неужели?

Доринда обратила возмущенный взгляд на сухонькую женщину в черном. Лицо Доринды пылало. Она звонко сказала:

– Ничего вы не видели, потому что нечего было видеть!

Мисс Сильвер твердо встретила жгучий взгляд.

– Если вы засунете руку в карман, то, вероятно, поменяете свое мнение.

Без долгих раздумий Доринда засунула руки в карманы твидового пальто. Карманы, глубокие и вместительные, должны были быть пусты. Однако пусты они не были... Удар оказался столь же сильным, сколь неожиданным. Доринда почувствовала, будто пропустила ступеньку и падает в крошечную темноту. Глаза у нее расширились, щеки порозовели. Она вытащила чулки попеременно с платками и лентами.

Что-то сказал охранник, однако Доринда едва слышала. Она стояла и смотрела на шелковые чулки, платки и свисающие ленты, и сердитый румянец постепенно сходил с ее лица. Потом она шагнула к столу, выложила вещи и снова проверила карманы. Обнаружилась еще одна пара чулок и веточка мимозы, которой Доринда мечтала украсить лацкан своего пальто. Она добавила брошь к остальному и твердо сказала:

– Я не знаю, как эти вещи попали ко мне в карман!

Управляющий окинул Доринду взглядом, от которого ее шотландская кровь вновь вскипела.

– Не знаете? Ну-ну. А я догадываюсь. Вы обвиняетесь в краже! А эта дама выступит в качестве свидетеля! Вы ведь оставите свой адрес, мадам? Расскажите нам, пожалуйста, что вы видели!

Мисс Сильвер приосанилась.

– Я, собственно, за этим и пришла. Оплатив покупку, я ждала, когда мне отдадут сдачу и сверток с шерстью, и тут увидела юную даму у стенда со стеклянными цветами и горжетками, что расположен поблизости от шляпного отдела. Дама любовалась веточкой мимозы, и я отметила, что мимоза, без сомнения, замечательно смотрелась бы на ее пальто. И когда дама уже отходила от прилавка, из чулочного отдела вышла группа людей. Заявляю со всей ответственностью, что она отошла от прилавка не меньше чем на ярд, и направлялась в противоположном направлении, а ветка мимозы оставалась на месте. От компании, вышедшей из чулочного магазина, отделились две девушки. Они окружили даму с двух сторон. В тот момент в холле между отделами было достаточно многолюдно. Иногда я видела девушек хорошо, а иногда обзор загоразживали. Однако я готова поклясться: дама к прилавку не возвращалась и ветку мимозы не брала. Поскольку дама меня заинтересовала, я ни на минуту не упустила ее – всегда видела хотя бы макушку. С ее места она не дотянулась бы до мимозовой броши, а назад она не возвращалась. Это первое. А есть еще второе. Даже когда людей было много, между ними образовывались просветы. И я увидела, как одна из девушек, которых я упоминала ранее, вытаскивала руку из кармана этой дамы. Тут мне вручили шерсть и сдачу. А потом девушки что-то сказали продавщице за стойкой и поспешно удалились. Затем между нами образовалось приличное количество народу. Когда я подошла к месту событий, девушки уже исчезли, а продавщица о чем-то оживленно рассказывала охраннику. Веточки мимозы на месте не было. Затем охранник догнал даму почти у платочного отдела. Я подумала, что мои показания понадобятся, и пошла следом.

Управляющий откинулся на стуле и скептически заметил:

– Вы якобы видели, как некая девушка сунула руку в чужой карман?

Мисс Сильвер выразительно кашлянула и поправила:

– Я была свидетелем того факта, что девушка вытаскивала руку из кармана здесь присутствующей дамы. И я готова поклясться в увиденном.

Управляющий приподнял брови.

– Удачное совпадение! Удобно иметь сообщника, который скажет, что ты ничего не делал!

Мисс Сильвер одарила его взглядом, перед которым пасовали даже самые отъявленные хулиганы. С помощью этого взгляда был низвержен в пучину отчаяния не один нарушитель порядка. Под его воздействием даже сам главный инспектор Лэмб и то смущался и невольно начинал извиняться. Обычная самоуверенность покинула управляющего, он почувствовал себя уязвимым и потерянным. Его самоуважение держалось лишь на социальном статусе и правилах субординации; без их защиты он совершенно поник.

– Что, простите? – переспросила мисс Мод Сильвер.

Управляющий уже всю извинялся. Он понял, что мисс Сильвер не герцогиня с причудами и вовсе не принадлежит к аристократическим кругам. Однако властность, скрывающаяся за тихим голосом, потрясла его до основания. Когда мисс Мод вновь обратилась к нему, он мгновенно замолк на середине не слишком связного предложения. Управляющего охватило непривычное чувство собственной ничтожности в этом большом мире.

Мисс Мод умело воспользовалась достигнутым эффектом.

– Надеюсь, я смогу доказать вам свою благонадежность. Вот моя визитка.

Она извлекала из невзрачной черной сумочки, которая висела у нее на запястье, и выложила на стол прямоугольную карточку. Посередине было имя – мисс Мод Сильвер, в левом нижнем углу адрес – Монтегю Мэншнс, 15, а в правом нижнем углу значилось – «частный детектив».

Пока управляющий переваривал информацию, она продолжила:

– Будьте любезны, наберите-ка Скотленд-Ярд, и главный инспектор Лэмб подтвердит, что хорошо меня знает и мне можно доверять. А также детектив Эббот (или любой другой сотрудник отдела расследований) скажет, что в полиции я уважаемый человек. Но если вы готовы признать ошибку и принести этой даме самые искренние извинения, то звонить в Скотленд-Ярд, пожалуй, необязательно...

Управляющий проглотил наживку и с яростью обернулся к охраннику. Кстати для его ущемленного самолюбия, под рукой оказался подчиненный, на котором можно было отыграться.

– Мистер Супли!

– Да, сэр.

– На каком основании вы действовали? Говорят, к вам подошла продавщица. Какая именно, и что конкретно она сказала?

Мистер Супли понял – быть ему козлом отпущения. Человек немолодой и прошедший войну, он и раньше сомневался в прочности своего положения на рабочем месте.

– Мисс Андерсон... сказала, что какая-то девушка, сообщила ей, что... – Он запнулся и сглотнул. – ...что эта вот дама ворует вещи...

– А почему девушка сама не пришла как свидетель?

– Она опаздывала на поезд... – слабым голосом произнес охранник.

Лысина управляющего покраснела от гнева.

– Мисс Андерсон следовало бы ее задержать!

Мистер Супли почувствовал, что есть шанс отвести от себя карающую длань, и с готовностью согласился, что мисс Андерсон была в корне не права (хотя ни он, ни управляющий не представляли, как продавщица задержала бы решительно настроенную покупательницу, опаздывающую на поезд).

Для большего эффекта мистер Супли возмущенно добавил:

– Следовало, сэр! Я то же самое заявил ей со всей строгостью!

Тут вмешалась мисс Сильвер:

– Совершенно ясно, что именно девушка, которая вынесла обвинение и скрылась, подложила украденные вещи в карман. А сейчас я настоятельно прошу вас позвонить в Скотленд-Ярд. И я не успокоюсь, пока юной даме не принесут искренние и безоговорочные извинения.

В кабинете Скотленд-Ярда главный инспектор Лэмб поднял трубку. Голос сержанта Эббота произнес:

– Вот так штука, шеф! Тут на линии управляющий торгового центра «Делюкс». Желает знать, надежный ли свидетель Мод! Спрашивает вас. Наглый тип... Вы его быстро утихомирите!

Лэмб хмыкнул.

– Что еще за история?

– Кража. Мод говорит – задержали девушку. Какая-то женщина подложила украденное этой девушке в карман, потом пожаловалась продавщице и убежала якобы на поезд. Соединить вас?

Лэмб еще раз хмыкнул, на этот раз в знак согласия. В трубке щелкнуло, и до него донесся голос, который он с первой секунды посчитал противным. Инспектор, с его опытом и проницательностью, прекрасно разобрался в людях и сразу определил человека, который совершил

промах и пытается выпутаться без последствий. Он прервал словесный поток собеседника и представился, медленно и отчетливо выговаривая каждый слог, как и подобает человеку на его должности:

– Главный инспектор Лэмб слушает.

Управляющему пришлось начать речь заново, и это ему сильно не понравилось. Он уже жалел, что не извинился перед Дориндой Браун сразу – не пришлось бы звонить в Скотленд-Ярд.

Главный инспектор почти тут же снова его перебил:

– Дела вашего магазина меня не касаются. Если вы намерены заявлять о краже, обратитесь в местное отделение. А что касается мисс Мод Сильвер, я вам отвечу. Я хорошо с ней знаком и уверяю вас – она надежный свидетель. Она не раз помогала полиции, и лично я советовал бы вам прислушаться к ее мнению. Если она считает, что девушка невиновна, значит, так и есть – мисс Мод зря не скажет. Передайте ей трубку, чтобы я убедился, что это именно она.

Мисс Мод, кашлянув, взяла трубку у управляющего.

– Главный инспектор Лэмб! Рада слышать! Как ваши дела? Как поживает миссис Лэмб?.. А дочки?

Завершив обмен любезностями, инспектор позволил себе усмехнуться:

– Опять впутались в историю, мисс Мод?

– Что вы говорите, инспектор!

Инспектор рассмеялся.

– Пришлось даже нам позвонить! Знаете, полиция польщена вашим доверием!

– На вас можно положиться – я твердо уверена, – серьезно ответила мисс Мод. Она отдала трубку обратно управляющему, чья лысина приобрела свекольный оттенок, и отступила.

Поняв, кто у аппарата, инспектор сменил тон и резко заявил:

– Это действительно мисс Сильвер. Ее ни с кем не спутаешь.

Глава 8

Джастин Лей не узнавал Доринду. Вроде бы здорова и чрезвычайно рада его видеть. В костюме, который он сам ей когда-то посоветовал. И все же что-то было не так. Покупая женские штучки за чужой счет, она была рассеянна и вовсе не излучала радость, как ожидал Джастин.

Оказалось, по мнению миссис Окли, приличное вечернее платье стоило весьма внушительной суммы. Доринда должна бы прыгать от восторга – ей и не снилась подобная роскошь, однако она оставалась безучастной. Она вообще не проявляла интереса к происходящему... но тут продавщица извлекла из дальних закровов и благоговейно выложила на прилавок *то самое платье*.

– Ах! – воскликнула Доринда, и щеки ее порозовели.

Джастин предложил примерить, и она немедленно удалилась.

Когда она вышла, сомнений не осталось. В платье чувствовалось нечто волшебное, не поддающееся описанию. Оно облегало и струилось одновременно. При этом было простым до неприличия. Обыкновенный черный цвет вдруг придал волосам роскошнейший золотой оттенок. И глаза засияли, и цвет лица посвежел.

– Пойдет, – неловко буркнул Джастин. – Переодевайся, а то пообедать не успеем.

Они заплатили огромную сумму и забрали аккуратно упакованное платье.

Джастин выбрал новый ресторан. Их столик располагался в небольшой нише, в приятном уединенном уголке. Джастин сразу же в упор посмотрел на Доринду и спросил:

– Что стряслось?

И очень обеспокоился, когда она побледнела и сказала дрогнувшим голосом:

– Меня чуть не арестовали за воровство...

Услышав подробности, он забеспокоился еще сильнее.

– И арестовали бы, если бы не мисс Сильвер! Ужасное чувство – будто идешь себе по дороге, и вдруг земля уходит из-под ног. Знаешь, так бывает во сне... У меня, по крайней мере. Но наяву еще не было – до сегодняшнего дня.

Дождавшись, когда уйдет официант, Джастин потребовал повторить рассказ.

– Ты никого из этих людей не видела раньше?

– Нет. Мисс Сильвер тоже про это спрашивала. Когда мне принесли извинения, мы пошли выпить кофе. Она просто чудо, всех знает в Скотленд-Ярде – еще бы ее не послушались!

Джастин потербил ухо.

– Мод Сильвер, знакомое имя... Ну конечно! Она же «глубокоуважаемая наставница» Фрэнка Эббота!

– Глубокоуважаемая наставница? Фрэнк Эббот так ее и называет?

– Ну или Моды – палочка-выручалочка, по прозвищу. Мисс Мод Сильвер он уважает больше всех на свете.

– Она размазала по стенке мерзкого управляющего! – заметно оживилась Доринда. – Но знаешь, Джастин... она спросила, есть ли кто-то, кому я мешаю и кто хочет меня убрать с дороги... Я, разумеется, сказала – нет. Потому что... ведь эта история не может быть связана с Подлым дядюшкой, правда?

– Что ты имеешь в виду?

– Понимаешь, среди игрушек Марти валялась его измятая фотография.

– Доринда, ты уверена?

Она кивнула.

– Да. У тетушки Мэри в альбоме была такая же – с подписью «Чарльз Роубеккер и сын, Норвуд». Я молча положила ее на письменный столик миссис Окли... и она ничего не сказала. Джастин, ведь этого не может быть!

Джастин, как обычно красивый, рассеянно смотрел вдаль. Доринда испугалась, что утомила его, и поспешно добавила:

– Давай сменим тему!

Рассеянность на лице сменилась хмурой гримасой, что, впрочем, не убавило красоты, и Джастин сердито фыркнул.

– У тебя был скучающий вид.

– Я пытаюсь думать. Слушай, Доринда, а зачем ты вообще пошла в магазин?

– Миссис Окли поручила.

– Ни за что не поверю, что жена Мартина Окли делает покупки в торговом центре «Делюкс»! Еще скажи – посещает отделы «Мода для всех» и «Ярче, лучше, буржуазней»!

Доринда хихикнула.

– Ну нет, сама не посещает! Просто ей сказали, что там продается светоотражающая краска, вот она меня и отправила. К Марти вернулась прежняя няня, и она очень недовольна – он отковырял краску с часов в детской, она теперь не различает время в темноте. Я должна была найти и купить.

– Кто об этом знал?

– Ну... миссис Окли, няня... еще Дорис – горничная... да наверное, весь дом – Марти без конца твердил, каким он был нехорошим, что стер краску, и как я куплю новую-блестящую. А няня ему отвечала, что краску не так просто достать, однако она слышала, что ее продают в «Делюксе». Уж не знаю, кто ей сказал.

Джастин нахмурился еще больше.

– Кто-то знал, что ты идешь в «Делюкс», и подставил тебя! Ты уверена, что в толпе не было знакомых лиц?

Доринда покачала головой.

– Точно. Не было.

– Может быть, мошенница, пыталась избавиться от награбленного? Нет, не похоже! Зачем тогда подошла к продавщице и тем самым навела на себя подозрение? Темная история... Лучше тебе уволиться! Позвони миссис Окли и скажи, что возникли семейные обстоятельства, что твоя тетушка Джемима умирает, и тебе надо срочно уехать.

– Не могу, Джастин! Она знает, что нет никакой тетушки. А даже если бы не знала. Я купила платье за тридцать фунтов на ее деньги – придется отрабатывать.

Доринда еще не видела Джастина таким сердитым.

– Верни это чертово платье!

– Деньги все равно не отдадут, – убежденно сказала Доринда. – В крайнем случае оставят сумму за миссис Окли – а ей зачем? – она сама мне говорила, что у них не одевается. Она сказала – там симпатичные недорогие платьица для молоденьких девушек. Ей явно нужны вещи гораздо дороже... Уволиться никак не могу.

Джастин склонился к Доринде через стол.

– Доринда, я дам тебе тридцать фунтов!

От благодарности глаза Доринды заблестели, как вода в тихом прудике под солнечными лучами.

– Как благородно с твоей стороны! Я, разумеется, не возьму.

– Ты просто обязана!

– Милый Джастин, я не могу! Дух тетушки Мэри тогда мне покоя не даст. У нее было несколько строгих правил: не разговаривай с мужчиной, которому не представлена, не позво-

ляй оплачивать долги и не бери у мужчин займы. Понимаешь, истинами, которые тебе внушают с раннего детства, невозможно пренебречь – при всем желании.

– На родственников правила не распространяются, – возразил Джастин.

Доринда покачала головой.

– На мужчин-родственников – очень даже. По поводу кузенов у тети было особое мнение. Они вообще опасны – так она считала.

Джастин невольно расхохотался и немного успокоился. Хотя почему встревожился, он и сам не понимал. Первобытный инстинкт побуждал его к решительным действиям. Так и огрел бы Доринду чем-нибудь тяжелым по голове и утащил подальше от опасностей в пещеру!

Смех слегка разрядил атмосферу, однако Доринда упрямо стояла на своем. Она не собиралась увольняться и расставаться с платьем за тридцать фунтов. Кроме того, тот факт, что Джастин вдруг проявляет живой интерес к ее особе и даже сердится, очень ее веселил. Мужчине не станет сердиться, если женщина ему не нравится. Эта премудрость пришла уже не от тетушки Мэри, а от Джудит Крейн. Той самой девушки из клуба «Вереск», которая раздражала соседок, принимая по нескольку ванн в день и без конца бегая на свидания. Доринда многому научилась у Джудит. Что касается тетушки Мэри, та имела перед глазами пример Подлого дядюшки и сложила о мужчинах самое неблагоприятное мнение, которым тоже поделилась с племянницей: мужчины существуют, тут никуда не денешься, просто держись от них подальше, и все будет хорошо.

В результате Доринда продолжала отказываться от тридцати фунтов, сияя благодарной улыбкой. И с удовольствием поглощала обед, то и дело возвращаясь рассказами к мисс Мод Сильвер.

– Она дала мне визитку и велела сразу же позвонить, если что-нибудь случится. Я предупредила, что мне нечем заплатить за услуги, а она сказала звонить все равно. Она просто душка, Джастин! Похлопала меня по руке и сказала: «Дорогая, когда-то я тоже была молода и прислуживала в чужих домах. Однако жизнь щедро меня одарила, и поэтому я люблю помогать другим».

В конце концов Джастину пришлось отступить. К тому же он не хотел ссориться, потому что еще не отдал Доринде подарок. Хотя сама Доринда ссориться не собиралась. Она сияла, называла его «милый Джастин» и отвергала деньги. Джастин чувствовал себя идиотом. Он планировал преподнести сюрприз с видом доброго покровительственного кузена, однако весь настрой почему-то пропал.

Когда Доринда в сотый раз упомянула, что ей нужно еще заскочить за позолоченной булавкой перед тем, как ехать к мистеру Окли, Джастин вытащил из кармана конверт.

– Получше булавки... надеюсь, тебе понравится. Это принадлежало моей матери.

– О, Джастин! – порозовев, воскликнула Доринда.

В конверте оказался потертый футляр из коричневой кожи, а в футляре некогда белой, а теперь пожелтевшей, как клавиша старого пианино, подушечке блестела брошь. При виде подарка Доринда лишилась дара речи. Два пересекающихся кольца из маленьких бриллиантов сверкали, отражая свет.

Девушка подняла на Джастина полные слез глаза.

– Нравится?

– О, даже слишком! – вздохнула она.

– Надень!

Рука с брошью замерла на полпути.

– Джастин, не нужно! Я не возьму... ведь она принадлежала твоей маме, и когда ты женишься... – Тут Доринда замолчала, потому что представлять, как Джастин женится, было неприятно.

Повисла непонятная пауза. Джастин мрачно взглянул на Доринду и спросил:

– И на ком, по-твоему, я должен жениться?

Ответ был очевиден, хоть и резал без ножа. В последние месяцы предполагаемая невеста обрела конкретную форму. Доринда сама видела фотографию в разделе городских сплетен. И подпись – «Мистер Джастин Лей и мисс Мойра Лейн». Она вырезала фото и сохранила, а однажды, набравшись храбрости, спросила Джастина:

– Кто такая Мойра Лейн?

На что тот небрежно буркнул:

– Одна знакомая.

Затем Доринда пару раз встречала их вдвоем – когда ходила обедать с Типом и когда была в театре с Баззером. Мойра Лейн всегда выглядела крайне в себе уверенной. И конечно, очень и очень эффектной. Хотя внешность вряд ли была для Джастина решающим фактором. Но вот уверенность – словно Мойра всегда и во всем права и твердо это знает – поразила Доринду до глубины души.

Девушка вернула брошку в футляр и стала чертить круги на скатерти.

– Ну, она будет высокая и, конечно, очень-очень стройная, но не худая – ты ведь не любишь худых, верно? Вероятно, светловолосая, хотя это неважно – главное, красиво причесанная. И очень-очень умная; и с правильной одеждой из правильных магазинов; и она будет точно знать, что можно, и что нельзя; и как краситься; и когда вещь вышла из моды и больше ни за что нельзя ее носить. Понимаешь, это все крайне сложно – если только не заложено с детства, и то не каждому дается! А твоя невеста должна очень хорошо владеть этим искусством!

– Неужели?

– Конечно, Джастин! Ты же ничего не упускаешь и не выносишь даже мелких огрехов. Ты стремишься к совершенству, и жена твоя не должна допускать ошибок – никогда-никогда.

Она подвинула кожаный футляр через стол, не спуская глаз с лица Джастина. Он взял футляр и снова положил перед Дориндой.

– Моя невеста, возможно, сочтет мамину брошь старомодной. Лучше подарю тебе. При-мерь-ка!

– О, Джастин!

– Не глупи, Доринда! Я бы не дарил, если бы не хотел. Нет, немного выше... Да, хорошо. Тут он посмотрел на наручные часы и резко поднялся.

– Побегу! Веди себя хорошо. Держи меня в курсе.

Глава 9

Миссис Окли все утро жалела, что отправила Доринду в город. Любой из трех намеченных ею магазинов с радостью прислал бы несколько платьев на выбор, стоило жене Мартина Окли намекнуть. В «Делюкс» можно было позвонить. Других неотложных дел в городе не было. А теперь придется целый день сидеть одной. Мартин вернется часам к четырем, если не позже, так как Доринда придет к нему в половине третьего, значит, отправятся они около трех – если не задержатся... Когда ему нужно уходить, на работе вечно возникают проблемы.

К работе мужа миссис Окли испытывала смешанные чувства. С одной стороны, ненавидела, потому что работа отнимала у нее Мартина, с другой – если бы он на нее не ходил, у них не было бы денег, а отсутствие денег она тоже ненавидела. Было время в ее жизни, когда денег было мало, а потом они и вовсе кончились. Приходилось ютиться в одной комнате и жить впроголодь. Миссис Окли тогда сама убирала, отчего руки пачкались, а чище кругом не становилось. Вынуждена была даже готовить, однако выходило нечто невыносимое. Она долгие годы запрещала себе возвращаться мыслями в те времена, с переменным, впрочем, успехом. Ужасные воспоминания иногда врываются в ее голову, словно толпа грязных оборванцев в чистый уютный дом. Вламывались без спроса, повсюду совали нос, хозяйничали. Не давали заснуть по ночам, а когда она наконец засыпала, преследовали во снах.

Не надо было отпускать Доринду! Вместе нашли бы чем заняться. У нее столько выкроек для занавесок и покрывал в гостиной! Вытащили бы и не спеша просмотрели – это заняло бы почти все утро. После обеда Доринда ей почитала бы, а с полдника уже и Мартина можно ждать... А теперь день обещал быть скучным и невыносимо долгим, и не с кем даже словом перекинуться. Няня не слишком рада была видеть хозяйку в детской. Встречала вежливо, однако миссис Окли каждый раз чувствовала себя лишней. Ей казалось, что и няня, и Марти вздыхают с облегчением, когда она уходит, и радостно возвращаются к прерванному ее приходом занятию... Будь новая горничная пообщительнее, еще можно было бы протянуть. Миссис Окли с удовольствием обсудила бы с Хуппер свои многочисленные наряды. Только вот Хуппер разговаривать не желала. Она выполняла свои прямые обязанности (кстати, неплохо), но не более того. От нее только и слышно «да, мэм» и «нет, мэм», ну или короткое предложение, если это необходимо.

Перед обедом зазвонил телефон. Поскольку Доринды не было, подойти пришлось Хуппер.

– Это мистер Порлок, мадам, – сказала она.

– Спросите, зачем он звонит, Хуппер. Он знает, что я не подхожу к телефону.

Последовала пауза, затем Хуппер снова обратила к хозяйке невозмутимое лицо.

– Он хочет заехать, мадам – у него важное сообщение для мистера Окли. Говорит – в два часа.

– Я в это время отдыхаю... – заволновалась миссис Окли. – Я плохо спала прошлой ночью... Скажите ему... скажите, что... мистер Окли вернется к половине пятого.

Однако Хуппер уже клала трубку на рычаг.

– Мистер Порлок отключился, мадам.

Ровно в два часа дня Грегори Порлок звонил у входной двери Милл-хаус. Звонок, несмотря на очевидную дороговизну, ни практической, ни эстетической ценности не представлял. Шаги дворецкого, который открыл Порлоку дверь, и то были громче.

Миссис Окли была готова принять гостя наверху, в собственной комнате. Порлок поднялся вслед за дворецким по широкой лестнице на второй этаж. На верхнем пролете стоял сервант с инкрустацией, в котором виднелся на редкость уродливый сервиз, а далее шел длинный коридор, в конце которого дворецкий распахнул перед гостем дверь, объявив:

– Мистер Грегори Порлок!

Миссис Окли подняла глаза от книги, которую для вида держала в руках, и увидела крупного мужчину в коричневом твидовом костюме. Лицо он прикрывал носовым платком в желто-зеленую клетку. Затем дверь за дворецким закрылась. Мужчина опустил руку, и она увидела Глена. Миссис Окли раскрыла рот, однако крикнуть не получилось – от ужаса перехватило дыхание. Лишь смотрела на него вытаращенными глазами, и побелевшие раскрытые губы застыли в форме аккуратного овала.

Грегори Порлок спрятал платок, радуясь своему везению. А если бы она успела закричать, пока дворецкий поблизости? Он, конечно, рисковал. Но что делать? К телефону она не подошла бы, а бумаге никогда и ничего нельзя доверять – это правило Порлок соблюдал непременно.

Он зашел, уселся на другой конец дивана, протянул руку и легким тоном произнес:

– Ну, Линнет, я так и думал, что это ты. Однако надо было убедиться. А то приехали бы вы с Мартином в субботу к ужину, а там я. Представляешь, какая вышла бы сцена – да еще при всех!

Она продолжала смотреть на него в немом ужасе, и Грегори взял ее за руку.

– Успокойся, дорогая! Я тебя не съем.

Непонятно, что именно подействовало – то ли крепкое пожатие его теплых ладоней, то ли лукавые огоньки в глазах, то ли нахлынувшие воспоминания. Глаза миссис Окли наполнились слезами. Она прерывисто вздохнула и воскликнула:

– О, Глен! Я думала, ты умер!

– Разве я похож на покойника? На ощупь еще теплый!

Он уже сжимал обе руки миссис Окли и чувствовал, как дрожат и дергаются ее ладони, словно рвущиеся из силков птицы.

– Ну хватит! Приди в себя! Тебе нечего волноваться. Я не хочу тебе зла и прошлое ворошить не буду. Меня все устраивает. И ноги моей тут не было бы, однако у нас с Мартином общие дела, и мне рано или поздно пришлось бы познакомиться с его женой. Я решил, что нам лучше встретиться один на один, без посторонних.

Даже самый слабый человек способен дать отпор, если угроза достаточно серьезна. Линнет Окли рывком высвободила руки.

– Ты сбежал и позволил мне думать, будто тебя нет в живых!

– Девочка моя, что за упреки! Мне улыбнулась удача. Я воспользовался случаем. Забыла, в какой мы были яме? Надо было вылезать из болота – не вечно же в нем сидеть!

– А меня ты бросил пропадать? – воскликнула она.

Грегори Порлок рассмеялся.

– Ну что ты, дорогая! Я был уверен, что моя Линнет найдет новый источник дохода. И не ошибся – нашла, причем более стабильный и внушительный. Как там в песенке поется? «И красавица томится чего-то там, а клетка золотая парам пам-пам».

Линнет Окли стукнула его кулачком – словно птичка клюнула. Он только рассмеялся.

– Перестань, не глупи! Понимаю, тебе нелегко, но времени у нас немного. Вот что я тебе скажу, а ты запомни: семь лет назад ты была на семь лет моложе, а выглядела лет на десять лучше, чем сейчас. Когда я пропал, ты предусмотрительно объявила меня погибшим, чтобы спокойно искать нового покровителя. Сейчас не делай глупостей, а то лишишься насиженного местечка! Непонятно, что с тобой тогда будет. Ладно, не пугайся – пусть все остается как есть, я вовсе не возражаю. Мартин ведь уверен, что ты вдова?

Миссис Окли расплакалась.

– Я правда думала, что вдова... Я думала, ты мертв.

В его глазах плясали насмешливые огоньки.

– Знаешь, наш суд суров – потребует свидетельство о смерти. Ты, естественно, надеялась, что я помер, – иначе как бы ты вышла за Мартина? Выдала, так сказать, желаемое за действительное. Вряд ли суду это понравится. Дай-ка вспомнить, сколько ты меня оплакивала, втайне надеясь на мою кончину, прежде чем выскочить замуж? Месяцев шесть?.. Ох, нет, целых девять! Впрочем, более долгого траура я, вероятно, не заслужил. Однако законники люди негибкие и двоемужества не поощряют.

Тут Порлок отметил, что слегка перестарался с угрозами, так как миссис Окли все же испустила крик. Не то что бы очень громкий – слишком она была перепугана, но тем не менее крик. А крик, как правило, вызывает любопытство окружающих. И Порлок сменил саркастический тон на ласковый и доверительный.

– Не бойся, Линнет! Разоблачение улыбается мне не больше, чем тебе, – у меня тогда дело не выгорит. Хотя я-то закон не нарушал, в отличие от тебя. Но меня интересует успех дела, а значит, и твой брак разрушать мне незачем. У вас ведь сынок, правда?

Теперь она смотрела на него с еще большим ужасом.

– Да, Марти...

– Ладно-ладно, Марти никто не трогает. Слушай внимательно! Способна ли ты держать язык за зубами?

– Конечно...

– Как правило, неспособна. Однако в данной ситуации... когда на кону самое дорогое, ты хотя бы попытаешься. Не вздумай плакаться Мартину: он выставит тебя на улицу, а я подам на тебя в суд за двоемужество. Одно слово Мартину или кому-либо еще – и пиши пропало. Поняла?

– Да, Глен...

– И не называй меня Гленом, а то проговоришься! Запомни – я Грегори Порлок, для друзей – просто Грег. Называй меня Грегом, даже мысленно – тогда быстрее привыкнешь. И хватит так на меня смотреть – убивать я тебя не намерен.

Миссис Окли и правда выглядела так, словно ей приставили к горлу нож. Все мышцы сжались, в глазах застыл страх.

Мистер Порлок протянул руку (отчего она болезненно поморщилась, как всякий раз при его приближении) и похлопал ее по плечу.

– Дорогуша, я скажу одну важную вещь, и тебе сразу станет лучше, так что соберись! Понимаю, сообразительностью ты никогда не отличалась, но хотя бы попытайся понять. Слушай! Я не буду рушить твой брак с Мартином Окли. Поняла?

Она мелко закивала.

– Теперь слушай дальше! Я никому не скажу, что мы знакомы. Если ты будешь держать язык за зубами. А если проболтаешься Мартину или любой другой живой душе – пеняй на себя. Я в ту же секунду приму меры. Поняла?

Опять мелкие кивки.

– Крайне выгодное для тебя предложение. Сохранишь Мартина, его деньги, положение в обществе, репутацию, ребенка... в тюрьму опять же не сядешь. Приятно, да? Взамен я попрошу сделать две вещи. Первое: держать язык за зубами. Уж не знаю, как ты справишься, поскольку тебе это несвойственно. Второе... – Тут он замолчал, устремив на нее внимательные смеющиеся глаза.

Ужас слегка отступил. Чуть ослабил хватку, прежде чем сжать сильнее. Порлок откинулся на спинку и, улыбаясь, смотрел на нее из своего угла, а она застыла в ожидании.

– Слушай, Линнет! Я хочу попросить тебя кое о чем. Небольшая услуга – и больше я тебя не побеспокою. Нас с Мартином связывает деловая сделка. И конечно, каждый преследует свой интерес. Мне пригодилась бы кое-какая информация. Он сегодня придет домой с некими

бумагами, на которые я очень хотел бы взглянуть. Они будут у него в дипломате, и мне нужно их увидеть.

– Нет! Не могу! Не могу!

– Ну-ну, перестань! Это же раз плюнуть! Когда Мартин уходит переодеваться к ужину, где он обычно оставляет дипломат?

– В кабинете... Но не могу же... Дипломат все равно заперт...

– В кабинете... А кабинет прямо под твоей комнатой?

– Я не могу!

– Дорогая моя, я стараюсь держать себя в руках, однако, если ты не перестанешь нести вздор, того и гляди рассержусь. Ты ведь не любишь, когда я сержусь, правда? Никогда не любила.

Линнет задрожала всем телом. Ей вспомнилось все – яркие, отчетливые картинки, мучительные образы. Тот, кто не видел Глена в гневе, вряд ли поверил бы, насколько он бывает страшен.

Он рассмеялся.

– Ну вот и договорились! Сделай, что велено, и все будет хорошо. Значит, так: пока Мартин переодевается, ты пойдешь в кабинет, поставишь дипломат на подоконник и отопрешь окно. Больше ни о чем не прошу! Когда Мартин вернется с ужина, дипломат будет уже на столе, и твой муж ни о чем не догадается. Ну и если случайно забредешь в кабинет после десяти вечера и запрешь окно, будет здорово.

Перепуганная насмерть, она все же выдавила:

– Я не могу...

– Что ж тут сложного?

– Я, конечно, плохо разбираюсь в делах, – ответила Линнет, теребя пальцы, – однако не так глупа, как ты думаешь. Ты увидишь бумаги и заработаешь на этом, а Мартин, соответственно, потеряет...

– Совершенно верно! Причем кругленькую сумму! Раз уж ты такая умница – представь теперь, сколько он выложит, чтобы спасти твою репутацию и избавиться от скамьи подсудимых. Не говоря уже о сыне – чтобы его не объявили незаконнорожденным. Сдается мне, тут Мартин не покусится. Он же тебя любит, правда?

– О да...

– И мальчика?

– Ох, Глен!

– Я тебя и правда убью, если будешь называть меня Гленом! Повтори-ка, только правильно! Ох, Грег!

Она повторила сдавленным шепотом.

– Так-то лучше. Сумма, которую потеряет Мартин, – это плата за безопасность жены и сына, за мир и спокойствие в семье. Думаешь, он пожалел бы денег, если бы знал? Нет, конечно! Вдвое больше заплатил бы! Я сам удивляюсь, почему так мало прошу – не мой размах.

Линнет Окли не сводила с гостя глаз. Нет, ей не под силу противиться Глену, она уступит – изначально было понятно. Она не может потерять Мартина! И ни за что не сядет в тюрьму. Мартин ей не позволит. За нее и за Марти он отдаст любые деньги. Деньги не главное.

И она спросила заискивающе:

– Если я соглашусь, ты обещаешь... точно-точно ли ты обещаешь ничего не говорить Мартину?

Грегори Порлок расхохотался.

– Дорогуша, мне совсем не выгодно посвящать его в курс дела! Это даже ты могла бы сообразить!

Глава 10

Обратно в Милл-хаус доехали в тишине и спокойствии. Мартин Окли сел впереди рядом с шофером и не проронил ни слова. Заднее сиденье было целиком в распоряжении Доринды. Она устроилась в уголке с подушечкой и теплым пледом, смотрела на проплывающих мимо прохожих и ощущала прилив благодарности. Мартин Окли точно не Подлый дядюшка – уже хорошо! Он всего лишь Марти, только взрослый и успешный. Та же бледная кожа, мрачный взгляд и манера то и дело нервно хмуриться, совсем как Марти, когда замышляет недоброе. Правда, в отличие от разговорчивого сына, мистер Окли был молчалив, за что Доринда также была благодарна.

Правильно она не послушала Джастина и не стала увольняться – работа обещала быть вполне приятной. Ее опыт, хоть и не слишком богатый, подсказывал, что работодатели замкнутые и немногословные – на вес золота. В основном они как одержимые рвутся общаться. Доринда мысленно поздравила себя и подумала, что Джастин зря ее отговаривал – если нашла неплохое место, надо за него держаться, а то займут – претенденток море.

Доринда нащупала брошку. Потом сняла, полюбовалась и, тепло улыбаясь, снова надела. До чего же мило с его стороны! А она даже не поблагодарила по-человечески – побоялась разрыдаться у всех на виду в ресторане. Вот уж чего-чего, а слез в общественном месте Джастин точно бы не одобрил – это, по его мнению, несмыываемый позор. Поэтому в ресторане она предпочла молчать. А сейчас решила, что после вечернего чая напишет Джастину письмо.

Однако когда села писать, долго ничего не выходило. Она извела довольно много бумаги и времени. Затем торопливо настрочила, стараясь не задумываться:

«Джастин, не думай, что я неблагодарная! Это неправда! Мне в жизни не делали такого замечательного подарка! Я просто боялась, что расплачусь и ты тогда больше не будешь со мной разговаривать.

С любовью, Доринда

Р. S. Миссис Окли понравилось платье.

Р. Р. S. – Мистер Окли совсем не похож на Подлого дядюшку. Он за весь день только и сказал: «Как поживаете, мисс Браун?» Такие работодатели мне нравятся!

Р. Р. Р. S. – Я правда в восторге от броши!»

Закончив письмо, она переделалась в голубое платье, хотя не была уверена, полагается ли ей обедать с хозяйкой, когда Мартин дома. Доринда, конечно, спросила у нее, однако миссис Окли лишь загадочно пробормотала: «Как Мартин скажет». Доринда волновалась, как перед экзаменом, и страстно желала поесть в одиночестве в своей гостиной. Ах да! Совсем забыла упомянуть в письме! Она перевернула лист и добавила четвертый постскрипту:

«У меня есть собственная гостиная!»

Собственная гостиная Доринды располагалась на третьем этаже, через коридор от спальни, рядом с детской. Потолок был пониже, а в остальном точь-в-точь как будуар миссис Окли, и по размеру, и по планировке. Обстановка была приятная, в комнате был даже электрический камин. Теперь камин пылал, и по комнате разливалось приятное тепло. Кажется, будуар был прямо под гостиной, однако Доринда еще не до конца разобралась в планировке весьма странного дома четы Окли. Она задумалась, подошла к окну, раздвинула занавески и снова сомкнула их за спиной, отделив себя от света.

Поначалу ничего не было видно, словно по другую сторону окна тоже было занавешено шторами – только черными. Постепенно глаза привыкли, и темнота поредела и превратилась в

тусклые сумерки. Небо было облачным, как и днем, однако сквозь облака, похоже, пробивался лунный свет, так как Доринда скоро разглядела черные силуэты деревьев на фоне неба, темную полосу дороги и светлый прямоугольник площадки, на которой стоял дом. Окно выходило на сторону. Да, значит, будуар прямо под ней, а еще ниже – кабинет. Миссис Окли разрешила Доринде брать оттуда книги, она так и сказала: «В конце коридора, прямо под этой комнатой». А они тогда сидели в будуаре.

В будуаре зажгли лампы – сквозь занавески проникал бледно-розовый отсвет. А в кабинете шторы были красными. Интересно, если бы в кабинете тоже горел свет, пробился бы он сквозь ткань? Вряд ли. Шторы в кабинете были из очень плотного бархата, украшенные низкими ламбрекенами. А стулья – из хромированного металла, только письменный стол был вполне обыкновенный и приятный на вид.

Доринда подумала, что хромированные части стульев выглядят по-больничному, а их алая кожаная обивка утомительна, ее не уравнивают даже черный камин и ковер. И тут на площадке из гравия, словно из ниоткуда, появилась человеческая фигура: просто силуэт на светлом фоне. Хотя толком разглядеть было невозможно, Доринда ни секунды не сомневалась, что это мужчина, его выдавала походка – быстрая, напористая. Он приблизился к окну кабинета, потом развернулся и ушел – причем сразу, без малейшего промедления. Пересек светлый прямоугольник и ступил на траву, где потерялся из вида. Доринда нашла произошедшее очень странным.

Только она успела вернуться в комнату, как зашла Дорис с подносом.

– Мистер и миссис Окли ужинают вдвоем. А вам, мисс Браун, я принесла.

Глава 11

Мистер и мисс Мастерман прибыли первыми из приглашенных мистером Порлоком гостей. Они входили в холл Грэндж-хауса, когда часы пробили половину четвертого – хотя обещали быть к четырем.

Грегори Порлок встретил их радушно.

– Дорогая мисс Мастерман! Не желаете ли немного передохнуть, прежде чем мы соберемся к чаю? Думаю, отдых пошел бы вам на пользу, а мы с вашим братом поговорим о делах, пока остальные не приехали. Не возражаешь, Мастерман? Вот и славно! Глэдис, проводите мисс Мастерман наверх и проследите, чтобы она ни в чем не нуждалась. – Тут он раскатисто засмеялся. – Хотя кто из нас ни в чем не нуждается? Верно, Мастерман?

Мисс Мастерман молча последовала за горничной, одетой в симпатичную темно-красную форму. На ее красивом, но истощенном лице явно читались следы усталости. Словно она уже давным-давно не спала. Глэдис привела гостью в уютную, хорошо обставленную спальню. Оставшись одна, мисс Мастерман медленно подошла к камину, сняла перчатки и старенькую шубу. Грегори Порлок, разумеется, заметил, в каком она жалком виде – от него ничего не скроешь. Жар камина боролся с холодом, сковавшим ее тело. Хотя холод сковал не только тело. И никакой огонь не в силах был отогреть ее душу.

Она рухнула на обитый ситцем стул у камина и закрыла лицо руками.

Тем временем в кабинете мистер Порлок разливал напитки.

– Молодцы, что приехали раньше. Расквитаемся с делами сразу, чего тянуть?

Джефффри Мастерман был копия сестры. Любой, кто видел их вместе, ни секунды не сомневался, кем они друг другу приходятся. Оба брюнеты, высокие и до крайности худощавые – буквально кожа да кости. Брат при этом был симпатичней – резкие семейные черты лучше смотрелись на мужчине. У обоих были выразительные глаза и жесткие чуть вьющиеся волосы. Обоим было около пятидесяти лет – чуть больше или меньше.

Мастерман сделал глоток и поставил стакан. Внимательный наблюдатель – вроде мистера Порлока, например, – наверняка заметил бы, насколько выверенным был этот простой жест. Рука Мастермана не дрогнула – то ли потому, что не было причин дрожать, то ли от волевого усилия. Мастерман откинулся в мягком кресле, взглянул в глаза хозяину дома и сказал:

– Вы сказали сестре, что нашли подходящее решение. Могу я узнать, какое?

Грегори рассмеялся.

– Я всего лишь ее успокоил. Подумал, что вы там извелись, бедные. Она ведь тоже в курсе?

– Послушайте, Порлок, прошу вас сменить тон. Если какая-то дама с большим воображением предъявляет нам с сестрой безосновательные обвинения, это еще не значит, что мы действительно совершили... нечто бесчестное. Вы не имеете права так со мной разговаривать!

Грегори Порлок опустошил стакан и, наклонившись, тоже поставил его на столик.

– Вы правы! Тысяча извинений, дружище! Я и не думал вас обвинять! Только дело-то не в нас с вами... Есть свидетельница, и она пока не решила, заявлять ли в полицию. Конечно, если вы не против, – пусть идет... Хотя дыма без огня не бывает, кто знает, как дело обернется...

Джефффри Мастерман резко подался вперед.

– Кто она?

Мистер Порлок не спеша закурил и выпустил струйку дыма.

– А я вам скажу. Во время прошлой беседы – очень, кстати, краткой – я успел сообщить вам, что в силу весьма странного стечения обстоятельств я располагаю интересными фактами, касающимися смерти вашей престарелой кузины – мисс Мэйбл Ледбери. Ну, то есть прямых доказательств у меня нет, однако ко мне обратилась дама, у которой они есть. И разумеется,

как верный друг, я должен был вас предупредить. Что и попытался сделать, когда нас прервали. Получив вашу записку с просьбой о встрече (дружище, страшно неосмотрительно с вашей стороны писать!), я решил пригласить вас сюда, чтобы уладить дело наилучшим для всех образом.

– Каким именно?

– Немного терпения. Прежде я хотел бы напомнить, что именно видела свидетельница. Кажется, я успел рассказать, что она лежала в постели со сломанной ногой на втором этаже дома на соседней с вами улице. Ее задний двор соприкасается с вашим. Ваша кухня занимала комнату тоже на втором этаже, как раз напротив окна вышеупомянутой дамы – назовем ее Энни. Делать Энни было совершенно нечего, и она активно интересовалась жизнью соседей – даже наблюдала с помощью театрального бинокля. Особенно пристально она следила за мисс Мэйбл Ледбери, так как у нее сложилось впечатление, что с мисс Ледбери плохо обращаются.

– Вздор!

– Мисс Ледбери не была больна, однако большую часть дня проводила в постели. Иногда вставала и бродила по комнате. Несколько раз Энни видела, как мисс Ледбери рылась в банке с печеньем и доставала снизу конверт, а оттуда бумагу, похожую на официальный документ. Энни утверждает, что сквозь бинокль ясно различила надпись на конверте – «Завещание».

– Вы несете невесть что! – воскликнул Джеффри Мастерман чуть громче, чем нужно.

На этот раз он не поставил стакан на столик, а сидел, крепко стиснув его в ладонях.

Грегори Порлок приподнял черные брови.

– Не лучше ли дослушать до конца, дружище? Пролить свет, так сказать...

– Это еще не все?

– Разумеется, нет. Стал бы я беспокоить вас по пустякам!.. По словам Энни, четырнадцатого октября сего года она видела, как вы вошли в комнату мисс Ледбери, когда та сидела в халате за столом лицом к окну, держа перед собой бумагу с надписью «Завещание», – Энни ясно различила надпись через бинокль. Ваша кухня была глуха, ведь так? А значит, не слышала, как вы вошли, и не знала о вашем присутствии. Энни утверждает, что вы стояли за спиной мисс Ледбери и заглядывали в документ через ее плечо. И позволю себе добавить, вид у вас был зловещий – по наблюдениям Энни. Женщины! Любят приукрасить и нагнать страху!

Порлок доверительно рассмеялся, не сводя глаз с застывшего лица собеседника, и продолжил:

– Итак, что же видела Энни... «Что видела Энни?» Чем не название для романа? Такой наверняка имел бы успех!.. По словам Энни, мисс Ледбери обернулась, увидела вас, и дальше вышла «бурная сцена», как выразилась свидетельница: вы в гневе, мисс Ледбери в ужасе, вы вырываете из ее рук завещание и держите над головой, она пытается забрать. Затем вы хватаете старушку за плечи и опрокидываете на кровать. Заходит ваша сестра. Вы удаляетесь вместе с завещанием, а мисс Мастерман остается успокаивать мисс Ледбери.

Когда та затихла, мисс Мастерман включила свет и задернула занавески, так что Энни больше ничего не видела. А утром молочник сообщил, что мисс Ледбери нашли в постели мертвой. Вызвали врача, тот объявил, что смерть была вполне ожидаемой, так что не повлекла за собой ни скандала, ни расследования. А когда обнародовали завещание, выяснилось, что вы с сестрой – единственные наследники и обладатели ста тысяч фунтов. Энни легла в больницу в день похорон и вышла только около месяца назад. Когда услышала, что вы с мисс Мастерман получили столько денег, заинтересовалась – а что стало с тем завещанием, которое старушка держала в руках? Потому что, когда вы заглядывали через плечо, по вашему лицу было не похоже, что вам с сестрой полагается по пятьдесят тысяч фунтов. И еще Энни припомнила, что месяцев шесть назад одна ее знакомая рассказывала, как подрабатывала у Мастерманов. Однажды, когда их, то есть вас, не было дома, ее позвала старушка из верхней комнаты. Попросила быть свидетельницей и пригласить еще кого-то, так как, чтобы подписать завещание, нужно двое свидетелей, и обещала заплатить каждому по десять шиллингов за труды. И

вот знакомая, миссис Уэлс, забежала в дом номер семнадцать, через дорогу, к подруге-поварихе, и мисс Ледбери подписала при них бумагу, которую назвала своим завещанием.

Раздался хруст. Джеффри Мастерман невольно сжал стакан слишком сильно.

– Дружище, вы не поранились? – участливо спросил Грегори.

Мастерман не поранился. Крови не было. Подобрали осколки, Мастерман оттер виски с содой с брюк, и разговор об Энни и ее возможном визите в полицию возобновился.

Мастерман снова подался вперед.

– Ложь! Наглая ложь! От первого до последнего слова!

– Разумеется...

– Откровенный шантаж!

– Дружище, если вас шантажируют, нужно немедленно обращаться к блюстителям закона! Я вот подозреваю, что завещание, по которому вы унаследовали деньги, было составлено давно. Если более позднего завещания действительно не было, обвинение рассыплется на глазах.

– Если и было, она его сама уничтожила. Старики составляют завещания по многу раз, – глядя в пространство, сказал Мастерман.

– Так было или нет?

– Может, было, может, нет. Откуда мне знать?

Грегори Порлок присвистнул:

– Значит, все-таки было... Сложная ситуация.

– Грязный шантаж! – крикнул Мастерман.

– Дружище, у вас пока ни пенни не попросили! Просто дама мучается угрызениями совести. Если она решит обратиться в полицию...

– Как она вас нашла? – перебил Мастерман.

Порлок лениво улыбнулся.

– Долгая история, всего не расскажешь. Занятнейшее стечение обстоятельств. Для вас, кстати, крайне удачное.

– Неужели? – В голосе Мастермана звенела ярость.

– Разумеется! Если бы не я, она уже успела бы заявить. Женщинам необходимо выговориться – дабы не лопнуть. Я слегка усыпил ее совесть, но, боюсь, лишь на время.

Мастерман взорвался. Он с пеной у рта обругал женский род в целом и Энни в частности, а затем переключил гнев на хозяина:

– Черт вас побери! Вы обещали уладить дело! Прекратите водить меня за нос! Я не могу пойти в полицию, сами прекрасно знаете. Каков бы ни был исход, это несмыслаемый след на репутации.

– И сестра вряд ли сможет правильно держаться в суде... – сочувственно заметил Порлок. – Слабонервная особа. К деньгам она, кстати, не прикасается, верно?

Мастерман замолчал, затем выдавил шепотом:

– Кто вам сказал?

– Ее пальто. Будь у нее деньги, купила бы новое.

Гость издал что-то вроде стоны, а Грегори Порлок весело продолжил:

– Давайте теперь по существу! Нет причин для беспокойства. Обе свидетельницы, которые присутствовали при подписании, и не вспомнят про него – если, конечно, им не напомнить... Миссис Уэлс переехала к дочери, а повариха из дома номер семнадцать вернулась в одно из северных графств, откуда она родом. У Энни есть любящие родственники в Канаде, которые уже много лет зовут ее к себе. Думаю, будь у нее деньги на дорогу и кое-что про запас, совесть не так сильно бы ее мучала. Перемена места, новые интересы, близкие люди – она бы и думать забыла про завещание. Вас я, разумеется, упоминать не буду. Даже не намекну. Она ни

о чем не просила и не узнает, откуда деньги. Таинственный благодетель осуществит ее давнюю мечту. Я прослежу, чтобы деньги до нее дошли и она воспользовалась ими по назначению.

Джеффри Мастерман скрипнул зубами и спросил:

– Сколько?

– Тысяча фунтов.

Глава 12

Чета Тоутов и Мойра Лейн прибыли к вечернему чаю. Рядом с мисс Лейн – высокой элегантной девушкой с блестящими глазами, ослепительной улыбкой и изрядной долей очарования – миссис Тоут смотрелась разительнейшим контрастом: из шикарной шубы вылезла худосочная низенькая женщина, невероятно напоминающая мышь, с жидкими седыми волосами, убранными в растрепанный пучок. Миссис Тоут годами не меняла прическу – вот еще! И сейчас добросовестно причесала волосы и не пожалела шпилек. Не ее вина, что тяжелый меховой тюрбан (купленный в комплекте с шубой) стягивал пучок вниз. Миссис Тоут предпочла бы скромную шляпку из легкого фетра, какие носила, когда Альберт держал магазин в Клапеме¹ и не зарабатывал кучу денег. От мехового тюрбана болела голова – как и от многих других пришедших с богатством вещей. Хорошо бы эту ношу сбросить – беззаботно стянуть с головы, не думая о прическе, и чтобы по плечам заструились блестящие кудри – как у мисс Лейн... Приятно посмотреть на девушку с хорошими волосами, да еще и с хорошенькой шляпкой. И как, наверное, приятно эту шляпку снимать, если под ней все в порядке... А из миссис Тоут всю дорогу сыпались шпильки, и вообще, в ее возрасте уже нельзя быть беззаботной.

Звонкий приятный голос Мойры Лейн прервал ее размышления. Грегори Порлок спросил:

– А где же ваш спутник?

– Сейчас будет! – ответила Мойра. – Паркует машину. О, Грег, вы просто ангел! Не реши вы ему приехать, мне пришлось бы добираться на мерзком поезде – маяться в третьем классе, тащить чемодан на пересадке... В такие моменты я как нельзя лучше осознаю свое бедственное положение. То ли дело автомобиль – впорхнула, выпорхнула и ощущаешь себя настоящей бездельницей, а не сводящей концы с концами бедолагой. А вчера вечером я встретила Джастина, и оказалось, он до смерти желает с вами познакомиться. Как было не воспользоваться случаем?

Грегори Порлок дружески похлопал Мойру по плечу.

– Пустяки, дорогая! А кстати, почему он желает со мной познакомиться?

Мойра рассмеялась.

– Ну если честно, то не с вами, а с Мартином Окли. Не обижайтесь, вы же с Мартином неразлучны, так что наверняка с вами тоже.

– А зачем ему Мартин Окли?

Мойра слегка нахмурилась.

– О, его дальняя-предальняя родственница, юная особа, устроилась к Окли на работу – кажется, секретаршей к его жене. Джастин утверждает, что приходится девочке опекуном, поэтому должен посмотреть на работодателей. Смешно, зная Джастина... Насколько же она должна быть красивой, чтобы пробудить в нем такую ответственность!

Грегори Порлок рассмеялся:

– Через пару часов сами увидите – Окли тоже приглашены, вместе с ней.

И отошел очаровывать миссис Тоут.

Мисс Мастерман с изможденным видом разливала чай. К чаю подали прекрасные сконы и домашние пироги, однако кроме миссис Тоут к ним почти никто не притронулся. Миссис Тоут же возмущало безобразие, которое подавали на чайных приемах в Лондоне: полосочки хлеба с прозрачным слоем масла и сэндвичи, которыми и бабочка не наестся. Это сильно отвращало ее от светской жизни. На званые обеды можно и не ходить, но вот выпить чаю – как полагается,

¹ Клапем – район в юго-западном Лондоне (здесь и далее прим. перев.).

за столом, она любила. А мистер Порлок – молодец, усадил ее за отдельный столик и подал к сконам мед и масло.

Позже к миссис Тоут присоединился Джастин Лей. Он не пообедал, поэтому был голоден и тоже по достоинству оценил великолепное угощение.

– Твоя кухня приедет к ужину, – сказала Мойра Лейн. – Нет, есть я не буду. И не надо совать мне булочки, я не мартышка в клетке! Как ее, кстати, зовут?

– Доринда Браун.

Мойра подняла тонкие брови.

– Прекрасная юная фея?

– Ну, не знаю насчет феи... – рассеянно ответил Джастин.

Мойра рассмеялась.

– А почему ты меня с ней не познакомил? Прячешь? Я не любительница сюрпризов! Лучше сразу расскажи – она вообще как?

– Вообще ничего, – улыбнулся Джастин, потянувшись за второй булочкой.

После чая компания разошлась. Мастерманы куда-то исчезли. Мойра увела Джастина играть в бильярд. Миссис Тоут поднялась к себе в комнату.

Где-то через полчаса к ней присоединился муж, и, как только он зашел, она сразу поняла – что-то не так. Опять он на взводе, а ей теперь успокаивать (еще поди успокой!). Пронервничает весь вечер и ночью не заснет... Альберт, надо признать, с годами пополнил, и сердиться ему ужасно не шло – краснели и лицо, и короткая мясистая шея. Он зашел, захлопнув за собой дверь, и с порога заявил, что не потерпит такого безобразия ни за что на свете.

– Ну же, Альберт...

– Не нукай на меня, мать! Я этого не потерплю! Натерпелся уже – хватит! Никому больше не позволю, слышишь?

Да, бедняга Альберт разволновался не на шутку. Последний раз миссис Тоут видела его в таком состоянии, когда Элли выскочила за Джимми Уилсона, чей отец владел соседним с ними магазином – еще когда они жили в Клапеме. С отцовскими деньгами, заработанными во время войны, она могла бы выбрать партию и получше. Но что поделаешь? Молодость случается один раз, а когда ты молод, кажется, что деньги не важны. Это потом кроме них ничего не остается... Миссис Тоут хорошо помнила, как Элли встала и заявила отцу:

– Джимми хороший и надежный. У него есть работа, и я выйду за него замуж! Твои деньги нам не нужны – сами заработаем. Мы не хотим ссориться, но поженимся в любом случае!

Альберт, понятное дело, взвился. Упрямый, как осел! Элли и Джимми думали, что он смирится, однако миссис Тоут знала: даже рождение внука его не смягчит. Он по привычке называл миссис Тоут «матерью» – что, если подумать, не имеет смысла, если ты отрёкся от дочери.

Миссис Тоут вернулась мыслями в настоящий момент, где Альберт чуть не кричал, что больше этого не допустит, и приготовилась выдержать бурную сцену.

– Что же случилось? – С тех пор, как уехала Элли и муж запретил о ней упоминать, миссис Тоут не называла его «отец». Какой он отец без ребенка? – Альберт, перестань бегать туда-сюда! Лучше расскажи, что случилось.

Красный и задыхающийся Альберт перешел к ругательствам, по-прежнему меряя комнату гневными шагами – от рукомойника до платяного шкафа. Миссис Тоут терпела долго. Она не любила, когда ругаются, однако, если сердитому мужчине не дать высказаться, он чего-нибудь похуже натворит. Она дождалась, когда основной поток брани иссякнет, и сказала – с необыкновенной твердостью:

– Хватит, Альберт! Иди сюда и рассказывай. Стыдно так себя вести!

Сверкая глазами, мистер Тоут сердито плюхнулся на диван рядом с супругой. Ярость в нем еще бушевала, однако он уже предчувствовал: когда она утихнет, останутся холод, пустота

и страх. Ему необходимо было поделиться. Эмили его жена, причем хорошая, хоть и любит стоять на своем. Упрямая!.. Но в дела никогда не лезет. Многие ли мужчины могут этим похвастаться? Он посмотрел на миссис Тоут и прохрипел:

– Шантаж! Чистой воды шантаж!

Миссис Тоут не стала ходить вокруг да около.

– Кто тебя шантажирует?

– Этот негодяй Порлок!

– А что ты натворил?

– Бизнес... Не женского ума дело! – буркнул он, старательно изучая розовые и сиреневые цветочки на ситцевой обивке дивана.

Эмили Тоут не сводила с мужа глаз. Понятно – вляпался в неприятности. Так ведь и знала: нельзя настолько быстро разбогатеть честным путем! Если человек одержим деньгами, ему трудно оставаться порядочным. Она пристально смотрела на Альберта и благодарила бога, что хотя бы Элли здесь не замешана.

– Рассказывай! – велела она.

– Он меня шантажирует! Не напрямую, конечно, – все красиво обставил, – но меня не проведешь! Случайно он, видите ли, узнал! И якобы он мне поможет – знаем мы таких помощников! Считает меня дураком, а я его раскусил, тут много ума не надо! Мистер Грегори Порлок! Генеральный представитель! Черта с два! Шантажом он зарабатывает! Клянусь! Но я его проучу! – Тут мистер Тоут снова перешел на ругательства. – Я ему покажу, как меня шантажировать! Пусть не удивляется, если его прирежут в темном переулке!

Мистер Тоут уже кричал в полный голос. Миссис Тоут наклонилась и похлопала его по колену.

– Тише! – сказала она. – Не говори глупостей! Тем более на весь дом. Возьми себя в руки, Альберт, и объясни, в чем дело. Что ты натворил?

– Ничего особенного. Как все, – мрачно ответил он.

– И что же?

Он украдкой взглянул на жену. Она сидела в уголке дивана, сложив на коленях тощие руки, и смотрела в упор. На вид маленькая, а с пути не собьешь. И совсем не похожа на жену богача – даже в шубе за тысячу фунтов. Эмили ведь не разболтает? Нет, она не из болтливых! А ему необходимо поделиться.

И он начал:

– Сначала они лишь попросили место во дворе – парковать их грузовик, а когда нужно – забирать.

– Нужно для чего?

– Мне не сообщали. А потом они и грузовик захотели взять в аренду. Я сказал, что каждому встречному-поперечному грузовики не раздаю. А они обещали заплатить втрое или даже вчетверо больше.

– Кто «они»? – спросила Эмили Тоут.

– Ну, Сэм Блэк... какая тебе разница? И вот я уже ввязался достаточно, чтобы нажить себе неприятности, а заработка все нет. И я говорю Сэму: «Я в ваши игры не играю! Мне с вами, видно, ловить нечего». А он мне: «Как знать!» В общем, правда: было чего ловить...

– Незаконная торговля... – вздохнула миссис Тоут.

Мистер Тоут вжался в угол дивана.

– Какая там торговля, мелочи...

Сидя очень прямо в своем халате из простой ткани (она ни за что не соглашалась сменить его на шелковый – иначе это была бы не Эмили), миссис Тоут невозмутимо сказала:

– Водитель получает пять фунтов и уходит выпить пива или горячего шоколада, а из грузовика тем временем пропадает дюжина баррелей сахара или масла. Такая была игра?

– Ну ты даешь, мать!

У мистера Тоута отвисла челюсть.

– Думаешь, я не читаю газет? Везде писали – черным по белому. Тем, кого поймали, дали приличные сроки.

Мистер Тоут слегка побледнел:

– Так они во время войны...

– А ты разве нет?

– Не нагнетай! Никто ничего не узнает, обещаю. Дело трех или четырехлетней давности – кто вспомнит? Я заплачу ему просто на всякий случай, чтобы не было неприятностей.

Миссис Тоут по-прежнему не отводила глаз.

– Ты же не на нескольких баррелях сахара заработал?

Он даже рассмеялся.

– Разумеется, нет! Это было только начало. А потом понеслось. Не представляешь, каким партиями мы ворочали! Они сказали, что у меня – как это? – организаторские способности! Я же сам планировал операции! И знаешь, забавная штука: верно говорят – деньги к деньгам! Начинал-то я с захудалого магазинчика в Клапеме. Разве ты тогда могла предположить, что муж у тебя будет богач?

«Что он будет вор, я тоже не предполагала!» – подумала Эмили Тоут, однако, разумеется, промолчала. А сказала вот что:

– Какая разница, что я думала... Боюсь, ты не все мне рассказал. Что именно известно мистеру Порлоку и что он намерен предпринять?

Кровь снова прилила к лицу мистера Тоута, вены на лбу вздулись, лысина побагровела.

– Он знает локации и даты – черт бы его побрал! Выведаль про крупную партию горючего – это с аэродрома. И про машинное масло – тоже немало – это из порта. Ну и еще два-три больших дела. Якобы есть свидетели, готовые под присягу. Не верю! Три года прошло – кто их послушает, даже под присягой? Неужто они помнят, где я был и что делал, когда столько времени прошло? Если я и заплачу, то только чтобы избежать лишних разговоров и не вредить репутации в деловых кругах. – Тут мистер Тоут снова повысил голос: – Догадываюсь, куда эти деньги пойдут! Если я, конечно, заплачу... Прямым в карман мистера Порлока-вымогателя! Руки чешутся ему хорошенько врезать!

– Не говори глупостей, Альберт! – сказала Эмили Тоут.

Глава 13

Мастерманы появились в бильярдной в сопровождении Грегори Порлока.

– А вот и мы! – объявил он. – А теперь я ненадолго украду Мойру. Вы ведь закончили партию? Кто выиграл?

Мойра Лейн рассмеялась.

– О, по части бильярда Джастин от меня далеко ушел – и не догонишь!

– Ну, тогда мистер Мастерман составит ему достойную конкуренцию, а мисс Мастерман проследит, чтобы игра шла по-честному. А мы отойдем на минутку.

Мистер Порлок провел Мойру в кабинет – уютную и обжитую комнату в деревенском стиле, со стеллажами книг во всю стену, коврами теплых оттенков и темно-коричневыми глубокими креслами. Порлок купил дом уже с мебелью, причем, надо отдать ему должное, сделал хороший выбор. И сам он подходил кабинету как нельзя лучше – и здоровым цветом лица, и ясным взглядом, и добротным твидовым костюмом. На столе стоял поднос с коктейлями, и Грегори Порлок протянул один бокал Мойре.

– Знаете, я привел вас сюда, чтобы задать один вопрос.

– Неужели? – беззаботно спросила девушка и сделала глоток. – Интересно. И что за вопрос?

Он встретил ее улыбающийся взгляд и сказал неожиданно серьезно:

– Кто я, по-вашему, Мойра? Что я за человек?

Мойра не отвела взгляда, однако слегка изменилась в лице. Глаза ее еще смеялись, однако в них промелькнула тревога и настороженность. Она сказала – тем же легким приятным тоном:

– Вы? Хороший человек. Прекрасный друг. Радужный хозяин. Почему вы спрашиваете?

– Спасибо, дорогая. Думаю, вы говорите искренне.

Мойра сидела на ручке одного из кресел, опираясь на спинку – стройная, грациозная и непринужденная.

– Конечно, искренне, – подтвердила она.

Порлок подошел к камину и подложил в огонь полено. Обернулся уже с обычной очаровательной улыбкой.

– Что ж, тогда я продолжу.

– Продолжите?

– Ну да. Это был еще не вопрос. Дело в том... позвольте ваш бокал! – дело в том, что у меня есть для вас сюрприз, и я хотел знать, как вы ко мне относитесь, прежде чем его преподнести.

– Сюрприз? – Мойра с облегчением рассмеялась. – Грег, милый, это просто чудесно! Подарок? Если нет – пеняйте на себя – буду думать, что зря приехала! Теперь вы, можно сказать, пообещали подарок, так что не разочаруйте!

Он тоже рассмеялся.

– Пообещал подарок? Что ж, придется оправдывать ожидания. Возможно, не мне одному... Сейчас увидим. Вот.

Он вынул из кармана что-то маленькое, в упаковочной бумаге, положил его госте на колени и вновь отошел к камину. Стоял в нескольких ярдах и наблюдал, как девушка выпрямилась и принялась снимать обертку. Подарок лежал у нее на ладонях, она оценивала его вес, угадывала форму сквозь бумагу. Внутри что-то перекатывалось – вроде звеньев цепи. И Мойра поняла.

Она мгновенно побелела, свет в глазах померк, словно задули свечу. Еще секунду назад она светила – живая и яркая. А в следующую – погасла. Словно омертвела, только глаза испытующе сверлили Грегори Порлока. Затем снова обратились к свертку на коленях.

Бумага упала на кресло. Мойра извлекла браслет – полтора дюйма шириной – два ряда чистейших бриллиантов по краям, а между ними решетка из алмазов, и на расстоянии три четверти дюйма друг от друга цветы из камней с большим рубином в центре. Рубины были высочайшего качества, кроваво-красные. Настоящее произведение искусства.

Мойра Лейн держала браслет на ладони. Кровь отлила от лица без ее на то позволения, тем не менее руке она задрожать не позволила.

– Что это?

Порлок словно наслаждался моментом. Возможно, и правда наслаждался.

– Вы разве не знаете?

Ответа не последовало, и он ответил сам:

– А по-моему, знаете. Вам бы не мешало быть поосторожней! Конечно, на свете много невежд, и легко решить, что кругом одни невежды. Только это обманчивое ощущение. Любой перекупщик может оказаться сведущ и узнать антикварную вещь. И даже некоторые любители, вроде меня, могут оказаться в курсе дела.

– Не понимаю, о чем вы говорите...

– Неужели вы не догадались сразу же, что внутри свертка? – удивленно спросил он.

Мойра слегка нахмурилась.

– Браслет. С хорошими камнями. Вероятно, дорогой. Больше ничего.

– Так ли уж ничего... – протянул Грегори Порлок. – Здесь скрывается целая история. История рубинового браслета. Для вас она может быть поучительна. Ну а для меня – еще один шанс блеснуть красноречием. Люблю рассказать что-нибудь эдакое, вы, верно, заметили!

– И что же вы собираетесь рассказать?

Он беспечно рассмеялся.

– Хочу привести небольшую историческую справку. Видите ли, я питаю слабость к энциклопедическим справкам, мне приятно просто знать что-то о чем-то. Правда, иногда эти знания чрезвычайно полезны.

– Неужели? – Голос Мойры не дрогнул, как и рука с браслетом ранее, и все же звучал он глуше, чем обычно.

– Вы сами сейчас убедитесь. Надо сказать, драгоценные камни всегда меня завораживали. И вот однажды – давным-давно, лет двадцать назад, наткнулся я на невзрачную книжицу в библиотеке Эдинбурга. Называлась она «История знаменитых украшений и их владельцев из числа знати и аристократии». По части стиля книжица была неважная, зато содержала ряд интересных фактов. Известно ли вам, например, что во время русской революции множество украшений французского двора было перевезено в Англию и отдано на хранение маркизу Куинзберри – его еще называют старик Куин? Говорят, он зарыл сокровища в подвале своего дома и след их пропал. Старик Куин слишком уж хорошо хранил свою тайну, даже унес ее в могилу. Сейчас дом занимают два лондонских клуба, и вполне возможно, где-то под фундаментом до сих пор лежат сокровища французской королевы. – Тут Порлок сделал паузу, а потом беспечно добавил: – Или не лежат. Сокровища, как любые ценности, имеют обыкновение отрашивать ноги... Но что-то я отвлекся. Вернусь к делу! Речь идет о рубиновых браслетах Жозефины. Вам, полагаю, известно, что вы держите один из них?

Мойра взглянула на переплетение бриллиантов.

– Откуда?

Вопрос был скорее риторическим, ответа не последовало.

– Что ж, продолжу блистать эрудицией. В книжице, о которой я говорил, как раз упоминались эти браслеты. Наполеон преподнес их Жозефине по случаю одного важного события. Переверните застежку – увидите букву N, украшенную королевской короной.

Мойра перевернула; ее лицо было безразличным, движения неторопливыми.

На бледном золоте была выгравирована коронованная N.

Грегори Порлок подошел и встал рядом.

– Теперь переверните обратно и увидите на другой стороне застежки дату – уже довольно блеклую, однако различимую: «10 фрим. 1804».

– Что это значит? – спросила она.

– Десятое число месяца фримера² тысяча восемьсот четвертого года. По-нашему, первое декабря, день, когда Жозефина наконец вынудила Наполеона обвенчаться с ней по законам церкви. Он схитрил и специально не позвал на церемонию местного пастора, чем позже и воспользовался, чтобы признать брак незаконным. Браслеты были свадебным подарком. А корона потому, что первое декабря – канун их коронации. Неужели вы не знали эту историю?

– Я-то тут при чем? – спросила Мойра, гневно сверкнув глазами.

Порлок вернулся к камину.

– Я вам расскажу. Жозефина умерла в тысяча восемьсот четырнадцатом году. Браслеты в ее завещании не упоминались. Они исчезли лет на сорок, а затем второй герцог Пемберли купил их в Париже, чтобы преподнести невесте в качестве свадебного подарка. Где они пропадали сорок лет, неизвестно, однако лорд Пемберли, видно, не слишком интересовался историей – он купил браслеты, и с тех пор они передавались в его семье из поколения в поколение. Титула у семейства уже нет, в живых осталась лишь вдова последнего лорда. А вы приходите к ней родней – по матери, если я не ошибаюсь.

– И поэтому я должна знать историю браслетов?

Он кивнул.

– Мы почти добрались до сути. Около десяти лет назад мне посчастливилось познакомиться с леди Пемберли – она была одной из устроительниц благотворительного бала. К своему крайнему удивлению, я увидел на ней браслеты Жозефины! Я упомянул браслеты в разговоре, и, обнаружив, что я в курсе истории, она любезно их сняла и показала мне букву и дату на каждом. Вот так я и познакомился с браслетом, который вы держите.

– При чем здесь я? – повысила голос Мойра.

– Я вас утомил? Осталось совсем чуть-чуть. Недавно один приятель, который в курсе моего увлечения, сказал, что видел в магазине браслет искусной работы. Я пошел посмотреть и, разумеется, сразу его узнал. Нет нужды обозначать название магазина – оно вам известно. А вот то, что хозяин магазина знал, у кого он покупает, – для вас, вероятно, новость. Вы часто появляетесь в светской хронике; он бы и не купил настолько ценную вещь у неизвестного человека. А учитывая ваши семейные связи, купил без колебаний.

Мойра долго молчала, глядя в сторону, нахмутив лоб и сжав губы в тонкую линию.

Порлок выждал достаточное по своим расчетам время и нарушил тишину:

– Ну-ну, не пугайтесь так! Я вам не враг!

Щеки Мойры снова порозовели. Она порывисто развернулась к нему, сияя глазами.

– О, Грег!

– Так-то лучше! – сказал он с самой обворожительной из своих улыбок.

– Грег, она сама мне его подарила. Что бы вы там ни вообразили...

Он рассмеялся.

– Так или иначе, я его выкупил. Не скажу, сколько это стоило – между продажей и повторной покупкой всегда большая разница, не хочу смущать вас упоминанием суммы. В общем, браслет теперь мой, и я могу в любой момент отослать его обратно леди Пемберли, верно?

– Нет, не надо! Разумеется, я не хочу, чтобы она знала, что я его продала!

– Разумеется! А второй браслет у вас, или вы его тоже продали?

– Она подарила мне только один.

² Фримёр – третий месяц французского республиканского календаря, действовавшего с октября 1793 по 1 января 1806.

– Нет, дорогая, так не пойдет! – покачал головой Грег. – Я ведь знаю. А вы знаете, что я знаю. Зачем ломать комедию? Представьте, я расскажу леди Пемберли, что видел ее браслет в магазине... Думаю, произойдет нечто близкое к катастрофе. Она сдаст вас полиции. Хотя нет – вряд ли она станет выносить на люди семейные дрязги. Зато непременно уберет имя Мойры Лейн из завещания, а также не удивлюсь, если наекнет родственникам, что мисс Лейн не слишком чистоплотна в определенных вопросах. Получится, как в мелодрамах: «Ах, я погибла, погибла»!

Мойра поднялась. Затем положила браслет на краешек стола и тихо спросила:

– В чем ваша выгода?

Порлок был искренне восхищен. Ему нравились ее отвага и аристократичная манера держаться, которая заставляла вести себя с ней уважительно. Мойра не плакала, не умоляла, не теряла достоинства. Порлок посмотрел на нее с одобрением.

– Вот мы и дошли до сути. Выгоды никакой. Меньше всего на свете я хочу причинить вам вред. Все, о чем прошу – давайте перестанем ломать комедию и поговорим о деле.

– Какие у нас с вами дела?

Он подал ей еще один коктейль и продолжил:

– Выпейте. Выглядите вы неважно. И послушайте, Мойра, я способен вас погубить. Но зачем мне это? Незачем! Я восхищаюсь вами и надеюсь на дружбу. И даже больше – на сотрудничество.

Она стояла с бокалом в руке и глядела на него с презрением. Затем допила коктейль, поставила стакан на поднос и молча ждала, приподняв брови.

Он стоял в ярде от нее и непринужденно улыбался.

– Я уже упоминал, что люблю собирать справки о разных вещах. Стоит только проявить к человеку симпатию, он сразу идет вам навстречу – даже удивительно... Правда, информацию нужно перепроверять. В кругах, куда вы входи, вертится много интересной для меня информации. В узких кругах – закрытых для посторонних. И мне совсем не помешал бы, так сказать, консультант, который в этих самых кругах вращается.

Брови Мойры поднялись еще выше.

– Вот какое сотрудничество вы предлагаете... Вымогать из людей деньги с помощью шантажа.

Порлок предостерегающе поднял руку.

– Осторожней в выражениях! Ну выпустите немного пар – меня-то вы все равно не заденете. А вот если я ненароком рассержусь, исход обещает быть плачевным... – Он помолчал и добавил после паузы: – ...Для вас. Пожалуй, слово «сотрудничество» в данном случае действительно не подходит. Сотрудничество предполагает долю ответственности у каждой из сторон. В вашем же случае – вы ничего не решаете. Осведомитель – вот верное слово. От вас требуется лишь предоставлять факты и рассказывать все, что мне нужно, об интересующих меня людях. Бывают факты, на первый взгляд совершенно незначительные, которые при ближайшем рассмотрении оказываются крайне компрометирующими. Вот здесь и пригодятся ваши близкие знакомства. Разумеется, договоренность останется между нами, и вы получите неплохое вознаграждение. К примеру, браслет Жозефины переходит в ваше полное распоряжение. Я бы посоветовал вернуть его леди Пемберли. А то мало ли что случится – лучше не рисковать. Все-таки ваше будущее на кону.

Мойра вспыхнула. Будущее! Прекрасное будущее ее теперь ждет! Если бы она могла убить Порлока здесь и сейчас, то наверняка убила бы. Он, вероятно, догадался о ее намерениях. Глаза Мойры горели, еще недавно бледные щеки пылали.

Она заговорила, лишь когда приступ ярости слегка утих, и ее голос звучал непринужденно: этакая светская беседа между гостьей и хозяином дома, не больше.

– Грег, дорогой, вы мне льстите. Боюсь, я незавидный партнер – с деловой хваткой надо родиться. Спасибо, что вернули браслет, вы очень добры. Сообщите обязательно, сколько вы за него заплатили. Я бы не хотела извещать кузину, что продала ее подарок. Просто я тогда была в отчаянном положении – очень нужны были деньги.

Мойра взяла со стола браслет и быстро надела его на руку – Грегори Порлок не сумел бы ей помешать, даже если захотел бы. Правда, он и не попытался.

– Смотрите, больше не продавайте! Рискованное дело. А то в следующий раз его кто-нибудь другой опознает...

А когда Мойра уже повернулась к выходу, Порлок поймал ее за руку, обхватив большой ладонью запястье вместе с браслетом, отчего бриллианты впились ей в кожу.

– А у меня и чек из магазина есть. С подробным описанием товара. Даю вам время до понедельника – решайте. На этом пока все.

Он разжал хватку, девушка молча развернулась и вышла.

Пока Мойра поднималась по лестнице, за спиной открылась и закрылась входная дверь. С улицы подул холодный воздух, раздался голос Леонарда Кэролла – последнего прибывшего гостя.

Мойра поднялась, не оборачиваясь, и прошла мимо комнаты мисс Мастерман в свою. Хоть расстояние было невелико, она успела определиться, что будет делать дальше.

Глава 14

Гостиная в старинном Грэндж-хаусе была длинная, с низким потолком и четырьмя узкими окнами. Бледные парчовые шторы в цветочек идеально сочетались со стенами цвета слоновой кости, стулья и диваны были выдержаны в тех же нежных тонах, и все убранство несло отпечаток строгого изящества минувших дней. Грегори Порлок ожидал гостей и представлял (уже не в первый раз), насколько заиграла бы обстановка, если бы и стиль одежды был соответствующим: на женщинах замысловатые кудри и пышные кринолины, на мужчинах – бриджи по колено и яркие сюртуки. Сам Грегори шикарно смотрелся бы в бархатном камзоле сливового цвета и со слегка припудренными волосами.

Порлок чувствовал приятное возбуждение – как капитан, который ведет корабль по опасному курсу. Впрочем, что за удовольствие без риска и борьбы? Когда жизнь висит на волоске, когда щекочет нервы неизвестность, когда нужно управлять бунтующей командой, укротив ее и подчинив своей воле, только тогда можно испытать настоящий вкус приключений и восторг побед, ради которого стоит рискнуть. Риска у него сегодня будет достаточно. От Линнет, к примеру, никогда не знаешь, чего ждать. Женщины в принципе непредсказуемы, а женщины, у которых нервы не в порядке, подобны стрелке компаса в магнитную бурю. Линнет сейчас, вероятно, бьется в истерику и рассказывает Мартину Окли о своем двойном браке. Порлок представил себе эту картину, и она его позабавила. Хотя Линнет, скорее всего, еще какое-то время продержится. Не упала бы в обморок на первой перемене блюд – это она может...

Надо сразу дать ей выпить, как приедет. И быть с ней предельно ласковым. Линнет всегда откликалась на ласку. Если бы период их супружества не пришелся на страшную нехватку средств, она бы до сих пор его обожала. Однако такие вот добрейшие и милые иногда становятся на редкость противными – под конец все было омерзительно. Порлок вспоминал их брак с отвращением.

Доринда Браун – тоже риск. По идее, она не должна была сегодня сопровождать Окли. Он забавно устроил – сердечно ее пригласил, а сам принял необходимые меры, чтобы она не добралась. Доринду ждало другое, гораздо менее приятное, но безотлагательное дело. Что-то пошло не так, и планы его нарушили (надо, кстати, выяснить, кто и зачем). Порлок не любил, чтобы его планы нарушались. Он всегда планировал тщательнейшим образом, и виновник нарушения обязательно поплатится – он уж проследит. Хотя было досадно, что изначальный замысел не удался, присутствие Доринды делало вечер еще более интересным.

Порлок позволил себе пуститься в размышления: любопытно, какой она выросла? Семь лет – срок немалый, а семь лет между четырнадцатью и двадцатью одним – тем более. Порлок помнил Доринду ребенком с розовыми щечками, толстой блестящей косой и круглыми карими глазками. Хотя нет, в четырнадцать косы уже не было, только румянец и глазки детские. Он ясно увидел пристальный строгий взгляд, когда однажды Мэри довела его до брани, а Доринда услышала. Девочка тогда так и застыла в дверях, потрясенная. Кажется, после того случая он ее не видел. Интересно, узнает она его или нет? Порлок считал, что его забыть непросто. Лыстил себе мыслью, что женщины его никогда не забывают. Впрочем, помнит или не помнит – какая разница? Воспитанница Мэри не позволит себе устраивать публичную сцену, да и он примет меры, чтобы Доринда усомнилась. Ему, конечно, претила мысль, что есть на свете его двойник, однако двойники встречаются, и стоит только заронить зерно сомнения, оно обязательно разрастется. Безусловно, с Дориндой Браун он как-нибудь справится.

Линнет Окли сидела перед зеркалом и смотрела на свое отражение полными ужаса глазами. Она уже была полностью одета, но все еще не решила – ехать или нет. Она меняла решение каждые полчаса весь день, и всю ночь, и день до этого, и ночь до этого.

Решала: «Поеду!» Представляла, как садится в машину, недолго едет, входит в Грэндж-хаус (сам дом она толком не могла вообразить)... и чувствовала: «Нет, не смогу!» Не сможет переступить порог и встретиться с Гленом! Дотронуться до его руки! Вдруг он возьмет ее за руку, чтобы проводить к ужину? Нет-нет-нет! Она не выдержит! Только не при Мартине!

Решала: «Останусь дома!» Можно сказать больной, сослаться на головную боль. Но Глен ни за что не поверит. Мартин тогда поедет без нее, а что Глен скажет и сделает – неизвестно. Вдруг рассердится? Когда она представляла Глена в гневе, внутренняя дрожь, которая никогда ее не покидала, становилась сильнее. А Мартин спросит, что с ней и почему голова вдруг разболелась. Он не рассердится – Мартин никогда не злится, Мартин добрый. И тогда она не выдержит и расплачется, а если начнет плакать – обязательно все ему расскажет.

«Нет-нет-нет!» – твердил внутренний голос. Она уже видела, как Мартин сдает ее полиции. Скамья подсудимых, тюрьма, изгнание из общества, разорение, одиночество...

Миссис Окли посмотрела в зеркало. Хуппер – хорошая горничная. Светлые волосы уложила как нельзя более выгодно, макияж сделала утонченно-изысканным. И не догадаешься, что за внешней красивой картинкой скрывается дрожащее от страха, загнанное в угол существо. И как настоящая женщина, миссис Окли нашла в этом утешение. Отражение, казалось, не имело ничего общего с ее страхами. Платье было совершенно новым. Оно очень ей шло. И новая помада подходила к платью, и лак для ногтей. Линнет встала, оттолкнув стул, чтобы рассмотреть себя в полный рост. Силуэт был безупречен.

Хуппер вручила ей маленький носовой платок с капелькой духов из собственных запасов. Аромат тоже был новым – деликатным, свежим, прекрасным. А назывался аромат «Вспомни меня»... Линнет схватилась за столик, чтобы не упасть. И поехать невозможно, и остаться нельзя...

В комнату вошел хмурый Мартин Окли.

– Черт, ехать не хочется! Я предпочел бы спокойно посидеть дома!

Она выдавила улыбку. Хуппер тактично удалилась.

– Как тебе мое платье?

– О, оно всегда мне нравилось!

– Глупый! Ты его никогда не видел. Это новое.

– Тогда давай посмотри! Повернись-ка!

Она сделала изящный вальсирующий поворот и присела в реверансе.

– Тебе правда нравится?

Можно было и не спрашивать, ответ читался во взгляде. Он крепко обнял ее обеими руками. Внутренняя дрожь слегка утихла. С Мартином она справится. Мартин о ней позаботится. С ним нечего бояться. Мартин в обиду не даст.

Глава 15

Доринда вошла вслед за четой Окли в холл старинного дома – с балками на потолке и глубоким массивным камином с солидным выступом для дымохода. Камин ярко пылал. Каменные плиты на полу были прикрыты современными ковриками, в подсвечниках на стенах стояли электрические свечи, а в остальном дом ничуть не изменился. Те, кто приходил сюда триста лет назад, видели ту же картину. Так подумала Доринда, снимая меховую шубку, которую одолжила ей миссис Окли. Доринда с удовольствием поднялась бы наверх и прошла по верхней галерее, которая огибала главный холл с трех сторон, однако миссис Окли отказалась: «О нет, мы только приехали!»

Ступени были полированные и черные, как и потолочные балки. Доринда положила шубу на большой резной стул и нехотя последовала за серебристо-розовой миссис Окли к остальным гостям. Прекрасное платье миссис Окли стоило, наверное, целое состояние. Интересно, а носит ли она что-то кроме розового? Не надоело? Но нет – одна розовая вещь сменяла другую. Почему бы для разнообразия не надеть голубое или зеленое?..

Тут размышления прервались, так как навстречу прибывшим вышел Грегори Порлок. У камина собралось много людей, однако видела Доринда только его. Он шел с протянутой для приветствия рукой и обворожительной улыбкой. Любой бы догадался – вот идет хозяин дома, Грегори Порлок. А Доринда сразу поняла – вот Глен Поршес, муж тетушки Мэри, он же Подлый дядюшка. Уверенности прибавлял фотоснимок, сделанный в ателье Рубеккера. Семь лет – срок немалый, как верно подметил сам Грегори. Если бы не снимок, Доринда, возможно, отвергла бы предположение, сочтя его безумным. А так сомнений не оставалось. Воспитание тетушки Мэри не прошло даром. Доринда выждала, пока миссис Окли пролепечет приветствие, затем встретила смеющийся взгляд Грегори и протянула ему руку.

Из многих вещей в памяти лучше всего сохранилось его рукопожатие – теплое и крепкое. Потом это только добавило ненависти.

Доринда, слегка покраснев, выдержала взгляд Порлока. Он сразу догадался, как только она произнесла его имя, – узнала. Что ж, тем интересней.

Грегори сказал:

– По-моему, мы с вами уже знакомы – по телефону. Я по голосу мог бы вас описать. Вам подходит ваш голос! А мне мой подходит?

– Думаю, да.

Что-то осталось от девочки из его воспоминаний – серьезность, простота и прямота. Да, сцену она устраивать не станет и в игры играть не намерена. Забавная получается история.

Тут Доринда бросила взгляд поверх плеча хозяина и увидела Джастина Лея. От Грегори Порлока не укрылось, что встреча была для Доринды неожиданной и, вне всякого сомнения, приятной. Настолько приятной, что Доринда обо всем остальном позабыла. Шагнула к Джастину, светясь радостью, – Грегори как опытный наблюдатель сразу подметил. Затем ему пришлось отвлечься и представить Окли Тоутам и Мастерманам. Он понятия не имел, как сложится вечер, притом, что двое из шести гостей яро его ненавидят, а двое до смерти боятся. Однако он полагался на отточенные навыки общения и даже, со свойственным ему чувством юмора, находил ситуацию пикантной.

Компания, и без того разношерстная, стала еще более странной, когда к ней присоединился Леонард Кэрролл. Грегори смотрел на Кэролла через зал и гадал (уже не в первый раз), действительно ли в его фигуре присутствует некая кривизна, или это обман зрения. Правда ли левое плечо выше правого, или так кажется, потому что левая бровь постоянно приподнята, а правая опущена? Правда ли он слегка припадает на левую ногу или просто дурачится? Специально ли он так растягивает слова? Речь у Кэролла была невероятно тягучей, что, впрочем,

не мешало ему вставлять остроты подчас откровенно грубые. У него были прекрасные каштановые волосы, хоть и не слишком густые, и не по годам морщинистое лицо. Кэрролл скользнул колючим саркастическим взглядом по пятерым представленным ему пожилым людям, всем видом показывая, что они интересуют его не больше, чем мебель. На Линнет Окли взгляд его задержался чуть дольше. Бывалый хозяин Грегори поспешил разрядить атмосферу с помощью коктейлей.

Джастин Лей был удивлен чувствами, которые пережил, когда вошла Доринда. Впрочем, он и раньше испытывал к ней нечто собственническое, однако в этот раз ощущение было особенно ярким. Ко всему прочему, Доринда была в платье, которое они выбрали вместе. Платье очень ей шло. На груди поблескивал маленький серебристый овал – брошь матери. Но дело было не только в платье. Даже в самых плачевных, на его взгляд, нарядах Доринда всегда привлекала внимание. Выделялась в толпе. Отчасти горделивой посадкой головы, отчасти необычной чертой, которой природа сочла нужным ее одарить: глаза Доринды удивительно сочетались с цветом волос. Цвет глаз и волос, осанка, полудетская серьезность – все это было прекрасно. Однако существовало и нечто большее – чувство родства, благодаря которому Джастин сразу заметил бы ее, даже если бы не знал, – хоть в автобусе, хоть на тонущем корабле, хоть на базаре в Бомбее, хоть в пустыне Гоби. Определенно существовала некая связь – он бы не объяснил, откуда взявшаяся, – и Джастин ни за что бы от нее не отказался.

– А ты что тут делаешь, Джастин? – спросила Доринда, не пряча радости.

Джастину даже не захотелось принимать безразличный вид. Он рассмеялся, но все же сказал:

– Сюда на выходные приглашена Мойра Лейн. Она взяла меня с собой.

Доринда была слишком хорошо воспитана, чтобы позволить улыбке сойти с лица. Улыбка осталась, и Доринда надеялась, что выглядит она не очень натянутой.

А Джастин вдруг добавил:

– Не глупи! Конечно, я приехал повидать тебя. Точнее, познакомиться с Окли – на правах опекуна.

Тут их беседу прервал Грегори Порлок.

– С молодым человеком вы пообщаетесь за ужином – он сидит рядом, так что давайте я познакомлю вас с остальными гостями. И выпейте коктейль!

Далее Доринде представили нескольких человек сразу, и о каждом она сложила общее впечатление. Мистер Тоут – коренастый, с красным лицом и злыми свинячьими глазками. Мистер Мастерман, чем-то неуловимо напоминающий владельца похоронного бюро. Миссис Тоут – маленькая и худосочная, завернутая в серый сатин и в целом похожая на беспокойную мышку; зачем ей столько бриллиантов, если она выглядит с ними лет на сто пятьдесят?

Мисс Мастерман бриллиантов не носила. На ней было старомодное платье из черного кружева с длинными рукавами и высоким воротничком, застегнутым почти под самым подбородком маленькой жемчужной брошкой. Посмотрев в черные глаза мисс Мастерман, Доринда поняла – у нее траур. Это было видно не столько по черному платью, сколько по взгляду человека, понесшего невосполнимую утрату.

Мистера Кэрролла Доринда рассмотреть не успела (поняла только, что он ей не нравится), потому что распахнулась дверь, и явилась запоздавшая гостья. Мойра Лейн – надменная, словно властительница мира, в бархатном платье оттенка дамасской розы – под цвет лица. Совершенной формы руки были обнажены до плеч, на левом запястье красовался алмазно-рубиновый браслет Жозефины. Девушка постояла на пороге, затем легким быстрым шагом направилась к группе у камина и подала левую ручку Грегори Порлоку со словами:

– Полюбуйтесь, милый Грег! Разве не прелесть?

Затем она обернулась к остальным, одарила компанию ослепительной улыбкой и произнесла легко и непринужденно:

– Счастливая находка. Я потеряла любимый браслет, а Грег его вернул! Какой же он душка! Впредь буду осторожней и ни за что не потеряю!

Тут она посмотрела на Грегори. Его лицо выражало сдержанное восхищение. Теперь он должен публично подтвердить ее версию. Или опровергнуть... сейчас или никогда. «Пусть скажет сейчас или вечно хранит молчание», – вот что она имела в виду.

– Осторожность никогда не помешает! – ответил он.

Открылась дверь столовой, и дворецкий пригласил к ужину.

Глава 16

– Миссис Тоут, позвольте предложить вам руку! – сказал Грегори. – Обойдемся без особых формальностей. И число гостей у нас нечетное... Впрочем, за овальным столом это не имеет значения, верно?

У дверей гостиной Джастин почувствовал, что его больно ущипнули, и, обернувшись, наткнулся на умоляющий взгляд Доринды. Они немного отстали, и Джастин спросил:

– Что случилось?

– Он – Подлый дядюшка...

– Кто?

– Мистер Порлок.

– Ерунда!

Она настойчиво кивнула.

– Точно!

Они вошли в гостиную.

Расселись по местам. Грегори и миссис Тоут прямо напротив Доринды. По правую руку от нее – мистер Мастерман и миссис Окли, затем мистер Тоут и мисс Мастерман, потом Грегори. А слева – Джастин, затем весьма странный тип Леонард Кэрролл и Мойра Лейн, потом Мартин Окли, и круг замыкался на миссис Тоут.

Глаза Доринды сами собой обратились к Мойре Лейн, которая перешучивалась с Леонардом Кэрроллом. Неописуемо прекрасная, полная непринужденного очарования и достоинства, Мойра раздавала улыбки и сыпала остроумными замечаниями. Доринда безоговорочно и смиренно признала в ней существо высшего порядка и сосредоточилась на поданном супе. Она даже успела отвлечься от мыслей о Грегори, и когда Джастин спросил: «Ты уверена?» – лишь непонимающе на него посмотрела.

– В том, что ты мне сейчас сказала?

– Прости, задумалась. Да, уверена.

– Ты могла ошибиться!

– Но не ошиблась.

– Тогда сменим тему.

Доринда снова взглянула на Мойру Лейн. Она о чем-то оживленно спорила с Леонардом Кэрроллом, тот склонялся к ней со своей кривой улыбкой.

– Какая она красавица! – тихонько сказала Доринда Джастину.

Джастин почему-то усмехнулся и ответил:

– Умеет произвести впечатление. Сегодня она особенно в ударе. Интересно, почему?

«Не почему, а для кого», – подумалось Доринде. Неужели Джастин не понимает, что Мойра старается для него? Должен догадываться... Хотя часто бывает, что догадываются все, кроме того, для кого стараешься. Доринда размышляла. Когда человек очень сильно нравится – понимаешь ли ты его лучше, или наоборот, твое восприятие затуманивается? Наверное, и то, и другое. Точнее – то одно, то другое. Как у нее с Джастином – иногда она насквозь его видит, словно мысли читает, как в случае с голубым платьем. А иногда совсем ничего не разберешь, как в случае с Мойрой Лейн.

Затем Доринда отвлеклась от размышлений о Джастине и переключилась на закуски. Джастин болтал с Мойрой, не обращая внимания на сидящего между ними Леонарда Кэрролла. Хотя нет – тот тоже участвовал в разговоре. Они смеялись втроем. По правую руку мистер Мастерман уткнулся в тарелку. Далее миссис Окли, обернувшись к мистеру Тоуту, рассказывала, как умен и не по годам развит Марти. На словах «а ведь ему тогда было всего три года»

Доринда даже поморщилась. Мистер Тоут тоже не был в восторге, однако ничем этого не показывал. Он положил себе на тарелку внушительную гору закусок и невозмутимо их поглощал.

В попытке соблюсти застольный этикет Доринда обратилась к профилю мистера Мастермана:

– Хорошо бы снег не выпал, правда?

Анфас оказался даже менее приветливым, чем профиль. Мастерман скользнул по Доринде отсутствующим взглядом и спросил:

– Почему?

– Грязно... ужасно неприятно, когда снег тает. Если бы выпало много – другое дело, можно что-то придумать, а так...

Мастерман снова повернулся боком. Затем взял вилку и принялся за закуски – с тем же отсутствующим видом, словно он не различает вкуса еды, хотя закуски были невероятно вкусными. Доринда, даже размышляя о красоте Мойры и о том, какая она с Джастином хорошая пара, пыталась разгадать рецепт. Троица по левую руку снова дружно рассмеялась. Джастин сидел, отвернувшись, и не делал попыток включить Доринду в разговор. Ей было невдомек, что ему неловко за глупую шутку, над которой они смеялись.

Линнет Окли заканчивала рассказывать очередной забавный случай из жизни Марти, когда к ней вдруг обратился Грегори Порлок. Между ними сидели мисс Мастерман и мистер Тоут, и непонятно, что именно его сподвигло с ней заговорить. По правую руку от Порлока Мартин Окли и миссис Тоут обсуждали, насколько умными бывают маленькие дети на примере Марти и ребенка Элли, дочери миссис Тоут. Возможно, Грегори исчерпал темы для разговора – он все пытался вовлечь в беседу мисс Мастерман, однако безрезультатно. Как бы то ни было, он обратился прямо к Линнет:

– Миссис Окли, надеюсь, вы нашли светоотражающую краску?

Позже многие вспомнили ее беспомощный ошеломленный вид. Мистер Тоут отметил, что она похожа на испуганного зайца – и мозгов, видно, не больше. Мистер Мастерман вряд ли обратил бы внимание на происходящее, однако левая рука миссис Окли находилась рядом с ним и чуть не опрокинула его бокал с шампанским. На другом конце стола миссис Тоут подумала, что миссис Окли нервная особа, а Мартин Окли обеспокоился, что жена побледнела и неважно себя чувствует.

Линнет прерывисто вдохнула и ответила:

– Да, спасибо.

Потом еще раз вдохнула и добавила:

– Мисс Браун купила краску.

– Надеюсь, без приключений, – заметил Порлок, посмотрев на Доринду.

Та сразу поняла – ему прекрасно известно, что произошло в торговом центре «Делюкс». Их глаза встретились. «Со мной шутки плохи», – говорил его взгляд. «Я знаю», – отвечал ее.

Доринда и правда знала. Доказательств у нее, конечно, не было, однако она ни на секунду не сомневалась, что это он подстроил, чтобы она оказалась в «Делюксе» и ей подбросили украденные вещи. Зачем? Чтобы она не приехала с Окли, не встретила его и не узнала в нем Подлого дядюшку.

Тут Доринда заметила, что почти вся компания слушает их разговор. Мартин Окли сказал:

– Эту краску нигде не достать. Мы искали для часов Марти. Благодарю за подсказку, Грег! Я передал жене, а мисс Браун как раз собиралась в город.

Теперь понятно. Грегори Порлок сказал Мартину Окли, что в «Делюксе» есть светоотражающая краска, а Мартин – жене. Все сходится. Миссис Тоут прервала размышления Доринды:

– Мистер Порлок, а вам-то зачем светящаяся краска?

Леонард Кэрролл некстати рассмеялся:

– Вы не догадываетесь? Я вот сразу его раскусил. Он же рыщет по ночам и думает, какое бы доброе дело сотворить. От идеального хозяина ничего не скроешь. Он заботится о гостях двадцать четыре часа в сутки!

Миссис Тоут нашла, что «этот мистер Кэрролл» перебрал шампанского. Ведет себя неподобающе и выражается слишком вольно. Такие вещи говорил мисс Лейн – боже правый! А та лишь смеялась – нет, чтобы поставить нахала на место! Таким, как он, палец в рот не клади – по локоть откусят, оглянуться не успеешь.

Грегори тоже рассмеялся.

– Боюсь, я не настолько внимательный хозяин. Я просто хотел покрасить балку в гардеробной, чтобы не биться о нее головой, когда спускаешься по лестнице. О чем только строители думали? Если не знать про балку заранее, довольно рискованно спускаться в темноте. Не всякий дотянется до выключателя. Если ты ниже шести футов, ты еще пройдешь под балкой. Ну а высокие люди рискуют разбить себе лоб. А кубарем с лестницы скатится любой – независимо от роста. Вот мне и пришла здравая мысль окрасить балку и выключатель. Кстати, прошу прощения за запах... Я пока нанес один слой, который уже, надеюсь, высох, но нужно еще нанести второй, так что краска пока стоит в шкафу.

– Марти обожает свои часы! – громко объявила миссис Окли. – Мартин покрыл их вторым слоем как раз перед выездом. Марти любит просыпаться и смотреть на них. Говорит, они похожи на большой глаз и тоже на него смотрят. У мальчика богатое воображение.

Мистер Тоут обратил к ней сердитое красное лицо.

– Как часы могут походить на глаз? В темноте ведь только стрелки видны! Что это за глаз такой?

Линнет смущенно рассмеялась.

– Понимаете, Марти разрисовал циферблат. Он не знал, как нужно. А няня сказала – ничего страшного. Если покрасить стрелки черным – то, в принципе, и без цифр примерно понятно, который час. А Марти, в общем, все равно, лишь бы светились в темноте...

– Так добрые дела блестят в злом мире! – продекламировал мистер Кэрролл. – Давайте не будем устраивать много шума из ничего. Светильник ночи догорел дотла! Так давайте же есть, пить и веселиться!³ Если хотите, я могу цитировать часами.

– Не хотим, – сказала Мойра.

– Тогда я расскажу вам последнюю сплетню – самую свежую!..

В более странной компании Джастину бывать не приходилось. Интересно, почему Грегори Порлок, без всякого сомнения, умеющий вращаться в обществе, собрал за одним столом таких категорически несовместимых людей – взять, например, Тоутов, Леонарда Кэрролла и Мойру Лейн... Ответа на вопрос у Джастина не было. И он переключился на непринужденную болтовню с Дориндой.

³ «Так добрые дела блестят в злом мире!» – цитата из пьесы В. Шекспира «Венецианский купец»; «Много шума из ничего» – название пьесы В. Шекспира: «Светильник ночи догорел дотла!» – цитата из пьесы В. Шекспира «Ромео и Джульетта»; «Так давайте же есть, пить и веселиться!» – цитата из Ветхого Завета.

Глава 17

Как гласит пословица, можно привести лошадь к водопою, но нельзя заставить ее пить. И гости Грегори Порлока, собравшиеся в гостиной после ужина, были живым тому подтверждением. Если следовать аналогии, то и Тоуты, и Мастерманы вели себя точь-в-точь как упряжка мулов – топтались у источника и отказывались утолять жажду.

В карты ни те, ни другие играть не умели, однако Грегори настойчиво пытался вовлечь их в другие игры, чтобы сделать атмосферу более непринужденной. Эффект получился скорее обратный. В ответ на задание «Какие предметы на букву «М» вы взяли бы с собой на необитаемый остров в категориях «Напиток», «Еда», «Одежда», «Домашний скот» и «Разное» мисс Мастерман сдала совершенно пустой листок, а миссис Тоут придумала только «мышь» и «мороженое». Список мистера Кэролла был пошловатым, остроумным и коротким. Доринда подошла к делу весьма обстоятельно. Грегори легко обошел всех по количеству слов. Мистер Тоут отказался играть, мистер Мастерман и вовсе куда-то пропал. Правда, вернувшись, включился в игру с мрачной решимостью и даже занял второе место.

Гости продолжали общаться, хоть и с большим скрипом. Сыграть в шарады наотрез отказался лишь мистер Тоут. Предложила играть в шарады именно Мойра, а ее предложения нельзя игнорировать – никому и никогда. Пропустить мимо ушей бурные протесты Леонарда Кэролла тоже невозможно: он заявил, что ставить сценки с участием настолько неумелых актеров – риск для психического здоровья, а за три подхода он точно повредится умом, поэтому согласен загадывать только пословицы.

– Тогда вы и Грег будут капитанами! Выбирайте игроков! – перебила его Мойра.

Леонард Кэролл обнял Мойру за плечи и пропел высоким монотонным тенором:

– Ты, лишь ты одна мне нужна!

Мойра коротко рассмеялась:

– Ну, вам придется взять кого-то еще! Не бросать же их всех на Грега.

Грегори тут же выбрал Мартина Окли, тем самым с большой долей вероятности исключив из своей команды Линнет.

В итоге миссис Окли, Мойра, мистер Мастерман и миссис Тоут удалились загадывать под началом Леонарда Кэролла. А команда Грегори: мисс Мастерман, Доринда, Мартин Окли, Джастин Лей и мистер Тоут (последний сидел в кресле и курил с отсутствующим видом) – осталась в гостиной. Миссис Тоут странно посмотрела на мужа, выходя из комнаты, – с беспокойством и укоризной. Хорошо, ты зол, однако нельзя же забывать о манерах. А то – пара коктейлей, шампанское, изрядное количество портвейна... неудивительно, что он уже не в настроении играть. Хотя у самой миссис Тоут тоже настроения не было. Игры для молодежи. Пусть бы они веселились, а она смотрела бы. Для Элли всегда созывали гостей на Рождество. Ей так шли распущенные волосы – длинные, светлые...

Когда шли через холл, мимо них проскользнул дворецкий – скрылся за служебной дверью, а потом вновь возник с кофейником на подносе. Худощавый и узкий в плечах, он чем-то напоминал обезьяну. Вероятно, посадкой глаз или впалостью щек. Раньше миссис Тоут его не замечала, а теперь он навел ее на приятные воспоминания – как она водила Элли в зоопарк смотреть на шимпанзе...

У игры в шарады есть существенный недостаток – пока одна часть игроков веселится, выбирая сценку и наряжаясь, другая обречена на долгое унылое ожидание. Леонард Кэролл сразу же дал понять, что главная роль достанется ему, а остальные будут делать, что им скажут. Он будет дьяволом, Мойра – монахиней.

«Достаньте простыню и пару полотенец!»

Мистеру Мастерману полагалось надеть длинное черное пальто.

«Как раз висит в прихожей!»

Миссис Тоут отправили искать плащ и мужскую шляпу – самую большую, какая попадется. Миссис Окли переодеваться было необязательно – разве что взять пару букетов из столовой и сплести себе венки.

«Главное, чтобы все делалось вовремя. Кто замешкается – того схвачу когтистыми лапами и уволочу прямо в ад!.. Ах да, выступать будем здесь!»

Потом Кэрролл распахнул дверь в гостиную и объявил для ожидающих:

– Мы будем выступать здесь! Театр у камина – в тепле и уюте. Мастерман вас позовет к началу.

Тем временем в гостиной мисс Мастерман и мистер Тоут хранили молчание, остальные же были вовлечены в беседу. Доринда даже восхитилась – насколько радушным может быть дядюшка. Он умудрялся всех развлечь, никого не оставлял вниманием. Конечно, ей было легко восхищаться – ведь Джастин сидел на ручке ее кресла. Она совсем не так себя чувствовала бы, если бы Джастин ушел в холл с Мойрой Лейн. Впрочем, мистер Кэрролл не позвал бы Джастина. Зачем ему соперник?

Мистер Кэрролл справился с постановкой быстро – не прошло и десяти минут, как дверь снова открылась, и мистер Мастерман сделал приглашающий жест рукой, на которую была брошена пола черного плаща.

После светлой гостиной холл показался мрачным. Огонь в камине прогорел. Свет был выключен – осталась лишь маленькая настольная лампа. Она стояла на каминной полке; на абажур был надет колпак из коричневой бумаги, и свет был направлен таким образом, чтобы один-единственный яркий луч пересекал холл. Он падал косо и высвечивал лишь круг между лестницей и массивным дубовым столом. Остальное – и лестница, и пространство вокруг, и сам холл – скрывалось во тьме.

Мастерман проводил публику к камину, где полукругом были расставлены стулья – лицом к лестнице и темному холлу. Позже никто не мог вспомнить, а занял ли место в зале мистер Тоут.

Откуда-то сверху высокий голос произнес нараспев:

– Занавес поднимается!

По лестнице вереницей спустились темные фигуры, становясь различимее по мере приближения к кругу света. Одна за другой они пересекли круг и вновь скрылись во мраке. Первым шел Мастерман в черном плаще – беспроегранный зловещий атрибут; к пущему ужасу, один глаз и половина головы были обмотаны бинтами. За ним следовала миссис Тоут, согнувшись вдвое и опираясь на корявую палку; серое сатиновое платье и бриллианты были скрыты брезентовой накидкой, лицо – потрепанной широкополой шляпой. Вслед за миссис Тоут в луч света вступила Линнет Окли, великолепная в своем серебристо-розовом одеянии, с цветами в волосах и в руках. Ей было велено улыбнуться, однако, попав в свет, она вдруг испугалась. От страха рот приоткрылся, глаза расширились. Она застыла на мгновение, словно ожидая неладного, и ушла в тень. За ней следовала Мойра Лейн в образе монахини; высокая, одетая в белое, она шла с опущенными глазами, перебирая четки. Затем, в середине круга, подняла веки, оглянулась через плечо и двинулась дальше. Когда она поравнялась с дубовым столом, единственная лампа погасла, и комната погрузилась в крошечную тьму. Во мраке засветились очертания лица, два острых рога и две протянутые к монахине руки. Руки взметнулись вверх, затем резко сомкнулись вокруг Мойры. Ее крик гулко прозвучал под высоким потолком, а за ним последовало зловещее хихиканье.

Когда Лен Кэрролл, обхватив ее за плечи, с силой прижал свои странные губы к ее рту, она изо всей силы впиалась пальцами в его предплечье.

Мистер Мастерман включил свет. Дьявол опять восседал на столе, откуда спрыгивал во время представления. В темном свитере поверх рубашки, в руке – цветная бумажная маска.

Рога, тоже из бумаги, до сих пор лихо торчали на лбу, придавая лицу Кэролла нечто поистине дьявольское. Зрители зааплодировали, Грегори воскликнул:

– Браво, дружище! Высший класс! Мы догадались! Пословица «Последнего забирает дьявол» или, иными словами, «К черту неудачников!»⁴

Леонард Кэролл помахал публике окрашенной рукой и ловко спрыгнул на пол.

– Теперь ваша очередь! – объявил он на ходу. – А я пойду смою краску, пока не перепачкал все вокруг.

Позже всех присутствующих спрашивали, насколько близко к Грегори Порлоку находился Леонард Кэролл. Показания сильно разошлись. Все подтвердили одно: он на секунду подошел к группе у камина, перебросился несколькими словами с парой человек, принял поздравления с успешным выступлением, а затем развернулся и побежал по лестнице, перепрыгивая через ступеньку. Однако насчет того, находился ли Кэролл в непосредственной близости к Грегори, мнения опрошенных разнились. На вопрос «Почему вы не вымыли руки в нижней ванной комнате?» Кэролл не колеблясь ответил, что ему надо было снять свитер и надеть к ужину смокинг, который он оставил в спальне.

Кэролл направился к лестнице, гости у камина переговаривались. Мойра стояла там, где застал ее свет, – между столом и камином, и стаскивала с головы два связанных кухонных полотенца, которые изображали монашеский головной убор. Вид у девушки был рассерженный, движения резкие. Она швырнула полотенца на стол, затем наступила ногой на край простыни, которая служила ей платьем, стянула ее тоже, скомкала и не глядя кинула вслед за полотенцами. Простыня соскользнула с полированной поверхности и горкой упала на пол, зацепив также одно из полотенец. Мойра оправила пышную темно-красную юбку и подошла к Джастину.

– Скажи, что у меня с прической? А то мне лень подниматься к зеркалу. Не слишком растрепалась?

– Волосок к волоску! – сказал он.

– Ну да, я старалась. Как тебе выступление?

– Как верно заметил Порлок, высший класс! Нам до вас далеко. Ты потрясающе кричишь! Жаль, нельзя позвать тебя в команду.

– А ты хотел бы? – рассмеялась Мойра, затем резко добавила: – Лен, конечно, звезда!

Грегори отошел к лестнице и, стоя в некотором отдалении от группы у камина, сказал довольно громко:

– Что ж, теперь наш черед. Боюсь, ваш успех мы не повторим. Вы все были великолепны! Дорогие миссис Тоут, миссис Окли, Мойра и Мастерман, пройдите, пожалуйста, в гостиную, чтобы мы тоже смогли подготовиться по мере наших сил. Кэролл вряд ли скоро отмоется, поэтому он присоединится к вам позже. Нет смысла ждать. Прочих попрошу остаться.

Не успел Порлок сделать и пары шагов, как вновь погас свет. Испуганно вскрикнула Линнет Окли. «Кто это сделал?» – раздраженно спросил мистер Мастерман. Все зашевелились. Опрокинулся стул. И тут раздался не то кашель, не то хрип, а затем – что-то тяжелое упало на пол.

Джастин Лей на всякий случай отодвинул Доринду к стенке и на ощупь направился к входной двери. Где находятся выключатели, он понятия не имел, однако в каждом приличном доме должен быть выключатель, до которого можно дотянуться, когдаходишь с улицы. Не обращая внимания на гул голосов, Джастин миновал какую-то дверь (это была дверь кабинета) и добрался до цели. С момента хрипа до момента, когда Джастин нащупал выключатель и загорелись электрические свечи, прошло где-то три четверти минуты.

⁴ Английская пословица «The devil takes the hindmost».

Застывшие в ярком свете фигуры отпечатались в сознании Джастина навсегда. Пару часов спустя он в точности зарисовал, кто где находился. Слева в открытых дверях гостиной – мистер Тоут, смотрит в одну точку. Леонард Кэрролл на лестнице, успел спуститься лишь на три ступени; рука на перилах, нога зависла в воздухе. У камина Доринда (у стены, где он ее оставил), рядом Мастерман, миссис Тоут, мисс Мастерман и дальше всех – Мартин Окли. Между группой у камина и лестницей – две женщины и мужчина: Мойра Лейн, Грегори Порлок и Линнет Окли.

Порлок посередине – распростертый на полу лицом вниз, одна рука вытянута, другая поднята под тело. Между лопатками блестит отшлифованная рукоять кинжала.

Все в холле смотрели на рукоять. Джастин бросил взгляд на коллекцию оружия над камином – там полукругом висели клинки: несколько кинжалов, пара длинных шпаг, меч с рукоятью из слоновой кости, меч в потертых бархатных ножнах... Джастин поискал пустующее место и нашел. Во внутреннем ряду не хватало кинжала. Затем Джастин снова взглянул на блестящую ручку между лопаток Порлока.

Никто не произнес ни слова. Никто не шелохнулся. Казалось, никто не смел даже вздохнуть. Потом закричала миссис Окли. Она преодолела два шага, отделяющие ее от Порлока, и бросилась на колени, причитая:

– О, Глен! Он мертв! Глен мертв, мертв! О, Глен, Глен, Глен!

Все разом зашевелились, вздохнули, заговорили – словно водную гладь потревожили, бросив камень. Мистер Тоут вышел из гостиной. Мистер Кэрролл спустился. Мойра отступила на шаг, потом еще и еще – очень медленно и напряженно; казалось, ее фигура в платье цвета дамасской розы заоченела. Она отступала, пока не наткнулась спиной на стул – там и застыла, с побелевшим лицом глядя на лежащего на полу Порлока.

Мартин Окли подошел к жене. Та бросилась ему в объятия, захлебываясь рыданиями.

– Глена убили! Он мертв! Мертв! Мертв!

Глава 18

В критических ситуациях всегда находится человек, который берет на себя роль лидера. В данном случае таковым выступил Джастин Лей. Он быстро пересек холл, опустился на колени рядом с телом, взял вытянутую руку за запястье и с минуту пытался нащупать пульс. Затем позвонил в колокольчик у камина – тот висел на уровне груди под рядом выключателей. В ожидании ответа огляделся по сторонам. Есть выключатель у входной двери, но свет вряд ли погасили оттуда... Выключатель слева от камина всего в пятнадцати футах от Грегори. Любой из стоящих рядом мог до него достать. Выключатель у двери для слуг – в глубине холла под лестницей. Убийце ничего не стоило незаметно открыть дверь и выключить свет оттуда. Дверь в бильярдную тоже была в глубине, однако чтобы добраться из бильярдной до выключателей, надо было пересечь холл, что вряд ли удалось бы сделать незаметно.

Пока Джастин сопоставлял факты, дверь для слуг открылась, и вошел дворецкий. Джастин сделал пару шагов ему навстречу и отметил, что дворецкий поменялся в лице при виде Порлока.

– Мистеру Порлоку нанесли удар кинжалом, – сказал Джастин. – Он мертв. Позвоните, пожалуйста, в полицию. Пусть приезжают как можно скорей. До их прихода никто ничего не тронет. Сообщите, как дозвонитесь.

Дворецкий помедлил, собрался было что-то сказать, но передумал и удалился обратно в служебную дверь. Джастин вновь приблизился к Порлоку. К нему подошел и Леонард Кэрролл и тихо пробубнил, почти не открывая рта:

– Не много ли на себя берете? А не стоит ли вытащить кинжал и дать бедняге шанс?

– Бесполезно. Он мертв, – покачал головой Джастин.

– Вы даже не сомневаетесь...

– Я был на войне.

– Что ж, самое время поиграть в сыщиков! Кто же убийца? Впрочем, ему не о чем волноваться. Наша доблестная полиция так хорошо осматривает место преступления, что никаких улик не остается... – Тут Кэрролл усмехнулся и добавил: – Интересно, кто ненавидел Порлока настолько, чтобы решиться на такое?

Джастин не ответил. Он внимательно рассматривал людей, один из которых «решился», как сказал Леонард Кэрролл. Миссис Тоут сидела на низком стуле с резной спинкой дизайнера Шератона. Плащ, в котором она играла в шараде, лежал у ее ног, до ужаса напоминая еще одно мертвое тело, а старомодная широкополая шляпа так и осталась на голове, только съехала набок. Маленькое личико было сурово и неподвижно и казалось еще бледнее из-за серого сатина платья и блеска бриллиантов. Она сидела неподвижно, неестественно выпрямившись, сцепив на коленях пальцы с круглыми, словно недремлющие глаза, бриллиантовыми кольцами. Мисс Мастерман осталась стоять, однако ей понадобилась опора в виде спинки стула; костяшки пальцев побелели от напряжения. Джастин видел, как к мисс Мастерман подошел брат. Он что-то сказал и, не дождавшись ответа, отошел к камину, чтобы подбросить в огонь полено. Линнет Окли рыдала, лежа на кушетке; по бокам присели Мартин Окли и Доринда. Венок из белых и розовых гвоздик, позаимствованных из столовой, по большей части развалился. Один цветок упал на ручку кресла, другой – Линнет на колени. Один бутон зацепился за ухо, и листик свисал вниз, словно сережка. Линнет зарылась в плечо мужа. Тот взглянул на Джастина и глухо произнес:

– Моей жене плохо, нам нужно уехать.

Джастин подошел к ним и сказал, понизив голос:

– Боюсь, вам придется дожидаться полиции.

Глаза Мартина потемнели от гнева.

- Кто меня заставит ждать?
- Вероятно, здравый смысл...
- Что вы хотите этим сказать?
- Вы не догадываетесь? Если уедете, привлечете к себе дополнительное внимание.

В воздухе повисло напряжение. Джастин понял: Мартин не зря сердится. Подлого дядюшку звали Глен – Глен Поршес. Миссис Окли при всех кричала, что Глен мертв. Кроме Мартина Окли ее слышали девять человек. Даже если Мартин промолчит, другие расскажут. И миссис Окли, которую только что официально представили Грегори Порлоку, должна будет объяснить полиции, почему бросилась с рыданиями к телу, называя его Гленом.

Отойдя, Джастин заметил еще одну розовую гвоздику. Тяжелый бутон лежал у левого плеча Грегори Порлока, его почти касались черные кудри убитого.

Мистер Тоут встал рядом с женой. На ее лице не дрогнул ни один мускул. Маленькие серые глазки неподвижно смотрели на сцепленные на коленях руки.

- Нам всем не помешает выпить! – громко заявил Леонард Кэрролл.

Он все еще стоял в паре ярдов от тела, не сводя с него глаз. На спине убитого виднелось странное белое пятно, и ровно посередине торчал нож.

Подошедший к телу Джастин с ужасом узнал светоотражающую краску.

Глава 19

В ту субботнюю ночь гости Грэндж-хауса почти не спали. Дом, ранее уединенный, внезапно превратился в проходной двор. Мама Джастина увлекалась пчеловодством, и он невольно вспомнил, как в детстве она снимала с улья крышку, клала поверх стекло и наблюдала за внутренней жизнью обитателей. Стоит пересечь грань и превратиться из законопослушного гражданина в нарушителя закона, как ты моментально лишаешься права на личную жизнь. Медицинский эксперт, фотограф, сборщик отпечатков, сержант, инспектор, главный констебль... каждый подойдет и рассмотрит тебя – не вздрогнешь ли под изучающим взглядом? Убийство – некогда одно из главных таинств в человеческом обществе, теперь сопровождается толпой официальных лиц и широкой оглаской. Пока доблестная полицейская бригада выполняла свои обязанности, инспектор Хьюз сидел в кабинете и брал показания.

Мартину Окли с женой и секретаршей было разрешено уехать в Милл-хаус только поздней ночью, а оставшимся удалось если не поспать, то хотя бы разойтись по спальням еще позднее.

В десять часов утра воскресным утром детектив Фрэнк Эббот позвонил в Монтегю-Мэншенс, где обитала мисс Мод Сильвер.

– Мисс Сильвер у телефона.

– Это Фрэнк. Боюсь, не смогу заглянуть на чай. В Суррее зарезали какого-то типа, и все подозреваемые родом из Лондона, как и сам покойник, так что дело повесили на нас – мы с шефом выдвигаемся. С нами не прокатитесь?

Мисс Сильвер ответила характерным покашливанием.

– О, это вряд ли!

Фрэнк шумно вздохнул.

– А жаль! С вами не соскучишься. Сразу и профессионализм растет, и все ведут себя прилично.

– О, Фрэнк!

– «И почему судьба нас разлучает с тем, кто так дорог сердцу и любим?»⁵ – процитировал Эббот и добавил: – Все, я побежал.

Тем же утром Джастин позвонил Доринде.

– Ты как?

– Нормально.

– Спала?

– Ну...

– Никто толком не спал, наверное. Как миссис Окли?

– Очень расстроена.

– Я приехал бы тебя навестить, но дело передали в Скотленд-Ярд, как я слышал. Так что в любой момент нагрянет полиция, и лучше мне не уезжать. Они наверняка всех захотят опросить.

– Ужасно, что и ты впутался в эту историю... Хотя мне без тебя было бы гораздо хуже, – помолчав, заметила Доринда.

– Я ни во что не впутывался. И ты тоже! – строго сказал Джастин и повесил трубку.

Главный инспектор Лэмб и сержант Эббот добрались до Грэндж-хауса только в два часа дня, предварительно встретившись с инспектором Хьюзом, который доложил о собранных накануне показаниях, и отведав довольно посредственный обед в ближайшем трактире.

⁵ Цитата из стихотворения Роберта Браунинга (англ. поэт и драматург, 1812–1889 гг.).

Лэмб окинул встретившего их дворецкого тяжелым взглядом, прежде чем передать ему пальто и шляпу. Холл казался почти темным даже после тусклого дня. Далее дворецкий проводил посетителей в кабинет – распахнул первую справа дверь и встал рядом, пропуская внутрь. Главный инспектор дошел до письменного стола и, обернувшись, окликнул:

– Зайдите и закройте дверь! Вы дворецкий?

– Да, сэр.

В свете сразу трех окон кабинета Лэмб разглядел слегка припадающего на ногу человека средних лет с редующими волосами, карими глазами и впалыми щеками.

– Пирсон! – воскликнул Лэмб. – Ты!

Человек не ответил, лишь поднял на инспектора жалобные глаза и застыл в ожидании.

Фрэнк Эббот тоже ждал, переводя взгляд с одного на другого.

Главный инспектор нарочито медленно выдвинул стул и аккуратно сел. Он всегда с подозрением относился к стульям в чужих домах – не всякий выдерживал его вес. Стул прошел проверку – выдержал, даже не скрипнув. Людей инспектор тоже проверял на прочность – знаменитым пристальным взглядом. Пирсон, судя по всему, тоже прошел проверку – стоял с покорным видом и молчал, однако не особо волновался.

– Ну, Пирсон! Не ожидал я тебя здесь увидеть! Да и ты, наверно, не ожидал, а?

– Нет, сэр.

– Ты здесь дворецким?

– Да, сэр.

– Что ты задумал? – Лэмб повернулся к сержанту Эбботу, который с большим интересом прислушивался к разговору, и пояснил: – Это мистер Эрнест Пирсон из детективного агентства Блэка! Служил в полиции, уволился по инвалидности.

Затем снова обернулся к дворецкому.

– Давай-ка, приятель, выкладывай! Что ты тут делаешь?

– Ну...

Лэмб внезапно грохнул кулаком по столу.

– Нечего мычать да мямлить! Произошло убийство! Ты не хуже меня понимаешь, что теперь все придется выложить начистоту. Зачем ты здесь?

Светло-карие глаза смотрели все так же жалобно, однако без тени тревоги.

– Понимаю, сэр. Я просто раздумывал, с чего начать... Видите ли, дело деликатное. Я следил за мистером Порлоком по поручению мистера Блэка.

– Развод?

– О нет, сэр! – Пирсон немного посомневался и добавил: – Шантаж.

Фрэнк Эббот приподнял брови. Главный инспектор присвистнул.

– Шантаж! – повторил Пирсон с грустным торжеством в голосе. – Мистер Порлок зарабатывал шантажом. Одна клиентка обратилась к нам в полном отчаянии – что-то он на нее накопал... она нас не посвящала. Вот мистер Блэк и направил меня сюда – разузнать что-нибудь, дабы мистера Порлока припугнуть.

– Шантаж против шантажа?

– Нет, сэр!

– Ладно, не мое дело! – усмехнулся Лэмб. – Говоришь, Порлок зарабатывал шантажом? Доказательства есть?

– Только то, что самолично слышал, – скромно, но с достоинством ответил Пирсон.

Сержант Эббот пододвинул стул к краешку стола. Под элегантным пальто Фрэнка Эббота скрывался не менее элегантный наряд – серый костюм, серые носки, серо-голубой галстук, серо-голубой носовой платок в нагрудном кармане. Светлые волосы были по обыкновению обильно политы лаком, отчего казались почти черными и зеркально-гладкими, светлые глаза смотрели внимательно и спокойно.

– Пиши, Фрэнк! – бросил Лэмб через плечо.

Ручка в длинных белых пальцах Эббота деловито задвигалась по бумаге.

Лэмб подался вперед, оперевшись руками в колени, – полноватый, но мощный, с красным лицом и шевелюрой жестких черных волос, которые только-только начали редеть на макушке. Глядя на Пирсона с непроницаемым видом, он повторил:

– И что же ты самолично слышал? Порлок шантажировал кого-то из гостей?

– Большую часть, – почти с гордостью объявил Пирсон.

– Тогда бери стул и давай по порядку.

Мистер Эрнест Пирсон тихонько и почтительно пододвинул стул. Сел, сложив руки на коленях и аккуратно соединив ступни, кашлянул и замешкался, раздумывая, с чего начать.

Фрэнк Эббот наклонился через стол и положил перед шефом список имен; тот коротко кивнул и хмыкнул. Потом спросил у Пирсона, указывая на имена мистера и миссис Тоут:

– О них что-нибудь знаешь?

– О да! Мистер Тоут и мистер Порлок вчера сильно спорили – в этой самой комнате, после вечернего чая. Я разжигал камин, а затем неплотно закрыл дверь и, таким образом, слышал большую часть разговора. Позволю себе заметить – у дворецкого масса возможностей подслушивать. Когда приносишь напитки, забираешь подносы, подкидываешь дрова, нетрудно оказаться рядом с дверью – а дверь оставить приоткрытой, чего никто не заметит, так как в доме центральное отопление, и никто не почувствует сквозняка.

Фрэнк Эббот прикрыл рот ладонью. Беспхитростные уловки мистера Пирсона чуть не вызвали у него улыбку. Лэмб по-прежнему был хмур и невозмутим.

– Ты слышал разговор мистера Порлока и мистера Тоута?

– Часть разговора, – не отводя светло-карих глаз ответил мистер Пирсон. – Мистер Порлок сказал мистеру Тоуту нечто, чрезвычайно мистера Тоута рассердившее.

– Что именно?

– Кроме как шантажом это никак не назовешь, честное слово. И он, мистер Тоут, так и сказал – «шантаж», причем довольно громко... А потом мимо проходила горничная, и мне пришлось уйти. Я переждал в маленькой столовой, что как раз через холл, а когда вернулся, мистер Порлок говорил: «Уже есть двое свидетелей, готовых подтвердить время и место, и вы не хуже меня знаете: если полиция начнет копать – найдутся еще».

– О чем шла речь?

– Черный рынок, сэр. Мистер Тоут пытался отрицать, однако мистер Порлок его поставил на место. Сказал: «Вы это расскажите в Скотленд-Ярде. Или руководству морского флота!» И ему – мистеру Порлоку – чрезвычайно эта шутка понравилась.

– А мистеру Тоуту?

– О нет, сэр! Тот выругался ужасными словами. А мистер Порлок сказал: «Да ладно вам, Тоут! Вы кучу денег нагребли – вы их не заслуживаете, если не способны поделиться тысячей-другой, чтобы закрыть рты свидетелям». А мистер Тоут ему: «Свидетелям? Черта с два! Это вам надо закрыть рот! И я найду способ, будьте уверены. Так что берегитесь, шантажом меня не возьмешь!» А мистер Порлок рассмеялся и сказал: «Или я возьму шантажом, или вы ответите за незаконный сбыт – выбор за вами».

Лэмб еще больше нахмурился.

– Значит, мистер Тоут угрожал?

– Он произнес те слова, которые я вам озвучил, сэр. И сказаны они были довольно угрожающе.

– Что еще слышал?

– Больше ничего, сэр. Мистер Тоут поднялся. С весьма резкими выражениями. Едва я успел скрыться в столовой и заняться камином, как он выскочил, красный, как рак, и стал подниматься по лестнице.

– С Тоутом понятно. Кто еще? – не меня выжидающей позы, спросил Лэмб.

Мистер Пирсон снова помедлил.

– Затем мистер Порлок прошел из кабинета в гостиную. Там он пробыл недолго. Появился с мисс Мастерман и ее братом и проводил их в бильярдную, а я пошел сервировать стол к ужину. Столовая прямо за той стеной, что за вами, сэр. И между комнатами есть дверь – ее видно с той стороны, а здесь она скрыта полками. Тем не менее сквозь дверь голоса доносятся гораздо лучше, чем сквозь стену... вы понимаете... Таким образом, я слышал, когда мистер Порлок вернулся в кабинет с одной из дам. Я подошел к двери – одновременно начищая серебро на случай, если кто-то зайдет.

– Ты подслушал?

Эрнест Пирсон скорбно покачал головой.

– Боюсь, не слишком успешно, сэр. Мне удалось разобрать только то, что в кабинете была мисс Лейн и разговор шел о браслете. Еще она сказала: «нельзя, чтобы кузина узнала» и «с деньгами полный крах». Видите ли, голоса дам различать гораздо сложнее, они не настолько звучные – если вы понимаете... А вот мистер Порлок, напротив, говорил внятно – у него голос... я бы назвал его зычным, мистера Порлока я хорошо слышал. Он сказал: «Не продавайте! Вдруг в следующий раз его опознает кто-нибудь другой?» И еще: «А у меня и чек из магазина есть. С подробным описанием товара. Даю вам время до понедельника – решайте. На этом пока все». Потом мисс Лейн спустилась к ужину с весьма ценным браслетом на руке – с бриллиантами и рубинами.

Лэмб снова хмыкнул.

– И что ты об этом думаешь? – спросил он Пирсона.

– Если учесть все факты, сэр, то напрашивается предположение: а имела ли мисс Лейн право продавать браслет? В общем, у мистера Порлока определенно есть оружие против мисс Лейн. Только вряд ли его интересовали деньги – зачем бы он тогда покупал дорогостоящую вещь? Сдается мне, он просил мисс Лейн что-то для него сделать, а она отказывалась, и он дал ей время на раздумье. Она много вращается в свете; я бы сказал, у нее хорошие связи. А мистер Порлок профессиональный шантажист, и такой контакт был бы ему очень полезен. Если вы понимаете, сэр.

Лэмб хмыкнул. То ли соглашался с версией Пирсона, то ли просто хмыкнул.

Ручка продолжала скользить по бумаге, и ум Фрэнка Эббота тоже напряженно работал. Ох и дельце! Кто-то избавил мир от шантажиста. Жаль будет отправлять этого человека на виселицу – даже если это Тоут. А может, и не Тоут. Не хотелось бы, чтобы убийцей оказалась дама, которая украла (или не украла?) дорогой браслет. Наверное, найдутся еще подозреваемые... Фрэнк снова сосредоточился на Пирсоне, который, как фокусник из шляпы, доставал новых персонажей и дошел до мистера Леонарда Кэролла.

– Тот самый Леонард Кэролл? – воскликнул Фрэнк.

Лэмб хмуро взглянул на Фрэнка.

– Знаешь Кэролла?

– Эстрадный артист. Умен, образован, сейчас очень востребован. Лично я с ним не знаком, но думаю, он мне не понравился бы.

– Шансонье, что ли? – мрачно спросил шеф.

– О нет, сэр. Кэролл, ко всеобщему везению, никогда не пел на публике. Полагаю, этот тип способен на многое...

– На что же? – прорычал Лэмб.

– Может быть, Пирсон нам поведает, сэр.

Эрнесту Пирсону было что поведать. Мистер Кэролл прибыл последним. Сразу же прошел в кабинет, и Пирсону представился хороший шанс подслушать. Как он объяснил:

– Остальные гости одевались к ужину, сэр. Мистер Кэрролл воспользовался случаем и даже не потрудился понизить голос. Слышимость была не то чтобы отличная, но вполне удовлетворительная, если вы понимаете...

– И что же он сказал?

– Вопрос скорее в том, чего он не договаривал... точнее, чего они оба не договаривали, сэр. Мистер Кэрролл начал сразу с напором: «Что вы мне плели про Тошера? Я его в глаза никогда не видел! Кто он? Что он? Вы меня шантажируете, черт побери! Я приехал, только чтобы лично вам заявить!» А мистер Порлок сказал: «Вы приехали, чтобы спастись от виселицы».

– Виселицы? – присвистнул главный инспектор. – Что же он натворил? Убил кого-то?

Пирсон покачал головой:

– Хуже, сэр... Прошу прощения, некоторые убийства можно понять. Не подумайте, что я оправдываю, просто иногда ясно, что именно человека подтолкнуло. Но ехать на фронт якобы поддержать бойцов, а там тайком встречаться с вражескими агентами и передавать информацию, которая, возможно, стоила сотен жизней... Кто до такого опустится?

У Пирсона даже скулы порозовели. Он добавил:

– Простите, сэр, расчувствовался. У меня сын воевал... в сорок пятом...

– Ничего, – сказал Лэмб. – Так что ты слышал?

– Только обрывки. Существует некий господин Тошер, у которого мистер Порлок раздобыл информацию. По словам мистера Порлока, брат Тошера был фашистским агентом, ближе к концу войны его убили. Тошер открыл открыл коробку с бумагами, оставленную ему братом. Впрочем, вы понимаете, это версия мистера Порлока... непонятно, насколько она правдива. Мистеру Кэрроллу мистер Порлок представил дело так: Тошер предоставил документы, которые мистера Кэрролла компрометируют по уши. А дальше мистер Кэрролл стал ругаться ужасными словами и кричать: «Все это ложь!», а мистер Порлок рассмеялся и ответил, что мистеру Кэрроллу, разумеется, видней, и если он уверен, то пускай Тошер показывает бумаги мистера Кэрролла в полиции – мол, мистер Порлок лично Тошеру посоветует таким образом проявить патриотизм и исполнить гражданский долг. Я думал, мистера Кэрролла удар хватит – правда, сэр! И выразался он... в нашей работе всякого, конечно, слушаешься, если вы понимаете... но у меня даже волосы дыбом встали. А мистер Порлок только рассмеялся и сказал: «Ну что ж, на том и порешим, дружище!» А мистер Кэрролл ему: «Черт вас возьми! Сколько?»

Сержант Эббот оторвался от записей и пробормотал, взглянув на шефа через стол:

– Хорошая компания собралась...

Ответа не последовало. Лицо Лэмба приняло свирепое выражение. Глаза, которые молодой сотрудник непочтительно называл про себя «бычьими», вылезали из орбит.

– Это все? – прорычал он.

– Насчет мистера Мастермана, сэр... К большому сожалению, мне не удалось достаточно качественно его подслушать, – с достоинством ответил Пирсон, не дрогнув от грозного взгляда инспектора.

– Еще и Мастерман? – повысил голос Лэмб.

– О да, сэр! Мистер Порлок пригласил мистера Мастермана в кабинет перед чаем. Поскольку как раз собирались гости, холл уже нельзя было использовать в качестве наблюдательного пункта – если можно так выразиться... Пришлось ретироваться обратно в столовую, а там условия для прослушки никак нельзя назвать удовлетворительными. Пару раз меня побеспокоила горничная насчет столового серебра... В общем, все, что мне удалось разобрать: мистер Мастерман произнес слово «шантаж», и в разговоре упоминалось некое пропавшее завещание. Зато мне как раз повезло оказаться в холле, когда мистер Мастерман вышел из кабинета, и вид у него был... мне вспомнился Ла-Манш в бурю. До войны мы с женой частенько ездили через пролив в Булонь. Море переменчиво, иногда грозно. Вот и мистер Мастерман выглядел как море перед штормом.

– Слушай, Пирсон, а ты не выдумываешь?

– Я, сэр? Выдумываю?

– Будь поосторожней! У тебя самого положение довольно шаткое. Ты вот сказал инспектору Хьюзу, что в момент убийства ужинал в комнате для прислуги. – Лэмб взял со стола бумагу и прочел: «Минут за пятнадцать-двадцать до убийства я забрал из гостиной поднос. В холл я больше не выходил, пока не зазвонил колокольчик. В момент убийства находился в компании повара, помощницы по кухне и главной горничной». Есть что добавить?

– Нет, сэр!

– Значит, забрал поднос и вышел на звук колокольчика? И в промежутке в холле не показывался?

– Совершенно верно, сэр, – слегка обиженно ответил мистер Пирсон. – Агентство Блэка – солидная контора. Мы действуем в интересах клиента, однако не вплоть до убийства. Неужели не ясно, сэр?

– Пожалуй, ясно... – проворчал Лэмб.

Глава 20

Некоторое время спустя Пирсон удалился с поручением от главного инспектора пригласить для разговора Джастина Лей.

– Подозреваемых достаточно... – заметил сержант Эббот.

В его натуре было бы прибавить «embarrass de richesse»⁶, однако он решил не злить начальника. Цитаты на иностранных языках для того были как красная тряпка для быка, и Эббот предпочел воздержаться. Во-первых, мало времени – шеф не успеет хорошенько проехаться на тему «неженка из колледжа» и вернуть словцо про вред излишнего образования. Фрэнк Эббот знал эту речь почти наизусть – ее надо произносить со вкусом, а не второпях... И Эббот ограничился коротким замечанием, на что инспектор, хмыкнув, ответил:

– Да уж... Выше крыши.

– Если, конечно, Пирсону можно верить. Все опирается в его показания.

Лэмб хмыкнул.

– Пирсон чист. В полиции служил хорошо. Ушел по инвалидности после несчастного случая. Пару лет восстанавливался, затем поступил к Блэку. Уважаемое агентство.

Фрэнк задумчиво вертел карандаш.

– Если Порлок промышлял шантажом, убрать его мог кто угодно. Даже жаль из-за него кого-то вешать...

– Что за разговоры! – громыхнул Лэмб. – Закон есть закон, порядок есть порядок! Убийством проблему не решить. Чтобы я больше подобных глупостей не слышал! Пирсону врать незачем, думаю, правду говорит. Судя по его показаниям, Порлок определенно шантажировал Тоута и Кэрлла – обоих поймал на серьезных делах. Мастерман и мисс Лейн под вопросом. Могут найтись и другие подозреваемые. Посмотрим, что расскажет мистер Лей. Пирсон утверждает, что Лей распорядился после убийства. Раз не потерял самообладания, вдруг что-нибудь ценное подметил. Жаль, конечно, что мы не приехали, пока местные тут не похозяйничали! Они, в общем, не так плохо зафотографировали и запротоколировали, но все равно – не то. Фотографии и отпечатки пальцев – хорошо, однако быть на месте преступления сразу после и видеть реакцию людей – совсем другое дело. А мы приехали восемнадцать часов спустя, когда все уже успели успокоиться и продумать, что говорить полиции. Вот если застать человека, пока он не пришел в себя, там показания гораздо больше похожи на правду, особенно у женщин. И не только у виновных. Удивляешься порой – как много люди предпочитают скрыть или приукрасить в разговоре с полицейским. Лет тридцать назад была одна свидетельница, вела себя в высшей степени подозрительно, а оказалось – хотела скрыть от мужа, что носит парик... А вот и мистер Лей!

– Инспектор Лэмб из Скотленд-Ярда и сержант Эббот, – с суровой официальностью представился Лэмб. – Присядьте, мистер Лей. Надеюсь на вашу помощь. Я хотел бы задать несколько вопросов касательно ваших показаний. Прежде всего, как вы познакомились с мистером Порлоком?

Джастин тем временем подумал, что парочка интересная – типичные представители полицейских старого и нового поколения. Лэмб – сельская школа, без высшего образования, зато университеты и университеты личного опыта. Надежный, как сама земля, простой, как шмат жаренного мяса. Деревенский выговор и пронизательный взгляд. Ни дать ни взять – фермер, который торгуется за поросят и телят. Правда, темы он обсуждал поважнее, однако с той же пронизательностью и деловитостью. Эббот – типичный выпускник элитной школы, затем

⁶ Затруднение из-за большого выбора (фр.)

полицейской академии, член клуба. Одежда, вероятно, не откуда-нибудь, а с Сэвил-роу⁷, ухоженные руки. Интересно, сможет ли сержант когда-нибудь сменить начальника? Кто знает... Все эти мысли быстро пронеслись в голове Джастина, и он ответил:

– Я совсем не знал мистера Порлока. Познакомился лишь вчера, когда приехал сюда на чай вместе с мисс Лейн.

Лэмб кивнул.

– Понятно, вас пригласила мисс Лейн. А ее вы хорошо знаете?

– Очень хорошо. Наверное, мне стоит объяснить причину визита. Моя кузина Доринда Браун служит секретаршей у миссис Окли. Она только устроилась, и поскольку девушка молода, а я ее единственный родственник, я хотел познакомиться с Окли. Понять, что за люди, посмотреть на их круг общения. Я слышал, что у Порлока загородный дом по соседству и что он дружен с Мартином Окли.

– От кого слышали?

– От мисс Лейн. И когда она упомянула, что собирается в гости на выходные и может предупредить хозяина и взять меня с собой, я с радостью воспользовался случаем.

– А мисс Лейн хорошо знала Порлока?

– Точно не скажу. Общались они очень мило. Она говорила, что мистер Порлок обожает принимать гостей и у него всегда полон дом. Соглашусь, он был радушным хозяином.

– Какое у вас сложилось о нем мнение, мистер Лей?

Джастин задумался.

– Хороший хозяин, как я уже сказал. Обходителен, умеет держаться в обществе. Жизнерадостен. Это, пожалуй, главное, что бросилось в глаза. Компания собралась странная, тяжелая – такую нелегко принимать, а он, по-моему, получал удовольствие.

Лэмб устремил на Лея пронзительный взгляд.

– Что значит «странная», мистер Лей?

Джастин ответил обаятельной улыбкой.

– Сами поймете, когда познакомитесь.

Лэмб хмыкнул и дальше расспрашивать не стал.

– Показался ли вам кто-то из гостей не в своей тарелке, нервным, рассерженным?

– Мистер Тоут был немного не в себе. Впрочем, не знаю, насколько это для него необычно. – Джастин усмехнулся. – «Немного не в себе» – мягко сказано. Он ни с кем не разговаривал, в развлечениях не участвовал. Просто сидел и как будто злился.

⁷ Лондонская улица, известная своим традиционным пошивом дорогой одежды для мужчин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.